

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

САША КРУГОСВЕТОВ

Прогулки по Луне

Настоящая фантастика

Саша Кругосветов
Прогулки по Луне

«Снежный Ком»

2018

Кругосветов С.

Прогулки по Луне / С. Кругосветов — «Снежный Ком»,
2018 — (Настоящая фантастика)

ISBN 978-5-9500850-0-0

Абсолютно правдивая история о лунных приключениях российского бизнесмена Юры Ветрова и его спутника Володи Шельги Российского ученого и бизнесмена Юрия Ветрова не оставляет давняя мечта побывать на Луне. Для этого он заключает контракт с частным космическим агентством и отправляется в Америку. Там он попадает в тюрьму, а, вырвавшись из неё, улетает со своим старым знакомым опером Володей Шельгой. По прилету выясняется, что Луна – это не бесплодная пустыня. Со времен полетов «Аполлонов» на ней существует колония землян. Космонавты оказываются в центре борьбы различных лунных этносов, а также спецслужб России и Америки.

ISBN 978-5-9500850-0-0

© Кругосветов С., 2018
© Снежный Ком, 2018

Содержание

Предисловие автора	5
Часть 1	7
Не очень мягкая посадка	8
Полет и падение святого Антония	13
Жизнь – либо дерзкое приключение, либо ничто	18
Если Господь хочет наказать человека	20
Кто не был в тюрьме, тот не видел звезд	27
Арест российского бизнесмена	30
Отставной козы барабанщик	33
Он постарается	39
Так не договаривались	41
Космонавты воленс-ноленс	43
Часть 2	47
Из Коряжмы на Луну	47
Скорей всего – немного нам осталось	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Саша Кругосветов

Прогулки по Луне

Предисловие автора

С Юрой Ветровым я знаком давно.

Одна тысяча девятьсот восемьдесят третий год, в лаборатории появился свежее испеченный выпускник ЛЭТИ – приятный, общительный, интеллигентный и очень толковый, – легко освоил предложенную ему тематику и вскоре стал одним из наших ведущих специалистов. У меня с Юрой тогда было много общего и в характере, и в интересах – неудивительно, что вскоре мы стали близкими друзьями. Девушки, спорт – лыжи, бокс, подводное плавание, вместе ходили в горы. Ну и, конечно, нашим главным увлечением, нашим идолом, которому мы молились, с которым связывали свои юношеские мечты и надежды, была наука.

Безмятежные годы закончились с началом перестройки. Проектные работы не финансировались, научные направления закрывались, новые инженерные разработки были теперь не востребованы. Прощайте – большая наука, грандиозные планы, великие замыслы и благородные порывы. Мы окунулись в яростные девяностые, где каждый проходил свою школу выживания, и судьба, в конце концов, развела нас.

В середине девяностых мы окончательно потеряли друг друга из виду. В 2001-м пытался связаться с ним, поздравить с сорокалетием. Не нашел. Друзья, общие знакомые – никто не знал, где искать. Пропал человек, бесследно исчез, ушел в небытие, – «Бедный Йорик!». Что случилось, где теперь обретается Юра Ветров, неисправимый романтик и мечтатель, жив ли он?

В 2003 году участвовал в Нью-Йоркской книжной ярмарке «BookExpo». Представлял свои книги, изданные на английском. Утром перед открытием выставки зашел в «Старбакс кафе». Взял сэндвичи, заказал кофе. Девушка за стойкой спросила, как меня зовут, – зачем, интересно, ей мое имя? Написала фломастером на пластиковом стакане «Sasha» и «amerisano» – название кофе, который я заказал. «У них конвейер. Они так делают, чтобы не перепутать заказы, Сашок», – сказал кто-то сзади по-русски.

Обернулся, – стройный мужчина средних лет, деловой костюм, белая рубашка с галстуком. Загорелое улыбающееся лицо, бритая голова, густая черная борода – откуда этот абрек может знать меня? «Не узнаешь, Саша? Да я же Володя, Вовка Шельга». Вот это да! Вовка Шельга, опер с Литейного, друг детства Юры Ветрова. Последний раз видел его у Юры на дне рождения, с тех пор прошло больше десяти лет. Как ты сюда попал? По делам? Еще служишь, уже на пенсии? Что-то рано ты на пенсии. Чем занимаешься?

Меня удивили разительные перемены, произошедшие с этим человеком. Нет, это не возраст. Выглядел он прекрасно. И не новый для него имидж абрека – никогда раньше он не брил голову, не отращивал ни усов, ни бороды, – не в этом дело. Что-то изменилось в нем кардинально. Раньше он выглядел почему-то немного несчастным. Утомленным, чуть запуганным, чуть растерянным, чем-то напоминающим щенка-переростка. Возможно, сказывались годы работы в крутых авторитарных ведомствах, где цена каждой ошибки была запредельно высокой. Может, были тому и другие причины, в нем всегда ощущалось чувство вины – перед женой, которую не любил, перед приемной матерью, покойной уже, которую, наоборот, очень любил, но, видимо, чего-то не оправдал, перед детьми... Ничего такого в нем сейчас не наблюдалось. Спокойный взгляд уверенного в себе человека. Умного, доброжелательного, сильного.

Зачем эта «прическа», эта борода, ты что, теперь мусульманин? Да нет, не мусульманин. Увлекаюсь культурой древних шумеров. Мы ведь их наследники, Библия переписана с шумер-

ских источников. У шумеров были метр, секунда, угловой градус, килограмм, они знали о Земле, Луне и Солнце больше, чем мы сейчас. И пошел, пошел...

Тьфу ты, черт, остановись, все о шумерах да о шумерах, пропади они пропадом. Скажи лучше, может, тебе известно, где сейчас Юрка Ветров, что с ним? В ответ Володя загадочно улыбнулся. Вряд ли мы скоро увидимся с ним. А вот, где он был все эти годы и что с ним случилось, об этом я мог бы много чего рассказать.

Мы стали встречаться с Володей ежедневно. Я услышал от него эту поразительную и, безусловно, абсолютно правдивую историю о лунных, да-да, вы не ослышались, о лунных приключениях нашего общего друга Юрия Сергеевича Ветрова и его собственных, Володи Шельги, приключениях.

На прощание договорились увидеться в Петербурге. Я звонил ему неоднократно, телефоны не отвечали. Разыскивал через его семью, обращался даже в уважаемое ведомство на Литейном – никакого результата.

В общем, мы не встретились. Но эта история настолько поразила меня, что после некоторых колебаний я все-таки решил описать лунные приключения скромного российского бизнесмена Юры Ветрова и его друга Вовы Шельги.

Итак, друзья, с удовольствием начинаю свой рассказ, ведь, как говорил кумир шестидесятых М. А. Булгаков, «правду говорить легко и приятно».

Часть 1

Космонавты воленс-ноленс

...все эта дыра виною, она и самого-то благородного из благороднейших затопчет в грязь. Воленс-ноленс, в скотину вырождаешься, ибо желаний много, а где исполнить их, где возможно прельститься, возрадоваться и тем скоротать время...

Владимир В. Личутин. Скитальцы. 1986 г.

Жители покинули свои дома; улицы, площади, автостоянки заполнились людьми. Машины остановились, водители выглядывали из окошек, птицы покинули привычные места обитания и рядами расселись на проводах и карнизах, радостно щебеча, словно встречая рас-свет.

Хмурые облака раздвинулись, открыв утреннее солнце с откусанным правым краем. Тем-ное пятно на глазах росло, отъедая все новые куски желтого небесного сыра, птицы замолчали, и целое море человеческих лиц в ожидании обратилось к небу. Два пацаненка из соседнего двора мгновенно приобрели популярность, расхаживая в толпе и раздавая старые CD-диски, позволявшие без специальных очков смотреть на уменьшающуюся часть солнечного круга.

Настал момент X: дневное светило исчезло, на землю упала ночная тьма. Стало зябко, подул холодный ветер. Прошло несколько минут, и из темноты сверкнула яркая искра, сияю-щая, словно язык белого пламени, облизывающего вначале совсем тонкую оправу небесного кольца, тут же вспыхнувшего в ответ ему праздничной яркой короной.

Полное солнечное затмение на территории России произошло 24 октября 1995 года; Луна проплыла между Землей и Солнцем, отбрасывая тень шириной сорок девять километров на территорию Бразилии у восточной оконечности Южной Америки. Темный круг пересек Афри-канский континент, расширился до ста с лишним километров и двигался со скоростью, дости-гавшей одного километра в секунду. Круглая тень прошла над Грузией, Северным Кавказом, Астраханью, Горно-Алтайском и исчезла, наконец, на территории Монголии.

В любом произвольно выбранном месте на земной поверхности полное солнечное затме-ние можно увидеть лишь один раз в триста шестьдесят лет. Тот, кто видел его, никогда не забудет это зрелище.

Не очень мягкая посадка

На высоте семнадцати метров над поверхностью планеты корабль вошел в густое облако пыли, закрывшее горизонт, и в дальнейшем посадка осуществлялась вслепую – приборами в автоматическом режиме. Корабль прилунился на полминуты позже расчетного времени, с вертикальной скоростью не более 0,8 м/сек – много это или мало?

Не очень-то мягкая посадка получилась, ударились о Луну довольно сильно. «Ты цел, Володя?» Сдвинули манипулятором колпак ракеты, открылся ряд дополнительных иллюминаторов, какой обзор! Кажется, прибыли. Что дальше?

Черное звездное небо. Огромный серп Земли, раза в четыре больше привычного лунного месяца. Как же она далеко, наша родная планета, вернемся ли мы когда-нибудь домой?

После удара ракеты при посадке поверхность Луны довольно долго гудела. В чем причина, может быть, спутник Земли – полая планета?

Лунный пейзаж. Холмы, кратеры, остатки скал – все покрыто сыпучим лунным грунтом – реголитом. Никаких строений. Где эта колония землян, как ее найти, где, в каком месте – хотя бы приблизительно – произошла посадка? Элон ничего не сообщил. Мог подсказать хотя бы, как искать шлюз. Получается, что не успел. Или не получилось. После прилунения связь почему-то прервалась – и что нам теперь делать?

Никто не появляется, никто не встречает. Запаса продуктов питания и воздуха хватит на двое суток, не больше. Путешественники волею случая... Он-то, Ветров, всю жизнь мечтал об этом, а Вовка... Майор Шельга, очнись, ты понял, где мы? На Луне, на Луне, ментовская косточка... Что теперь будешь делать? В уставах ваших ничего такого не прописано. Или я ошибаюсь?

Время идет. Ждать, когда кончится воздух? Придется надеть скафандры и идти искать. Безумие, конечно. Надеюсь, Элон не обманул насчет колонии. С ним не связаться – возможно, не оснастили нас дальней космической связью. Да нет, все время была эта связь, может, что-то сломалось? Похоже, что мы вне зоны радиовидимости. Не получается настроить аппаратуру. Шлюзы, входы в подземную колонию, могут быть где угодно, могут оказаться и за сотни километров от места прилунения.

Космонавты надели скафандры, Шельга предусмотрительно оставил в костюме пистолет. «С кем ты собираешься сражаться, Вовик?» – «Ничего, пригодится». Запустили раскладной трап, вышли на поверхность Луны. Оборудования с собой никакого, только фотоаппарат – один на двоих.

Грунт достаточно твердый, чтобы выдержать вес огромной ракеты. Космический корабль стоит почти вертикально, как на космодроме. Это хорошо, классная работа команды Элона Макса, но, раз мы не планируем возвращаться, положение ракеты уже не имеет ровно никакого значения.

Пыль осела, видимость восстановилась. Отдельные камни на поверхности Луны не только не погрузились в реголит, но, словно грибы, как бы «выросли» из грунта – возможно, в результате его постепенного разрушения и оседания.

Перед путешественниками – необъятная панорама; место посадки представляет собой довольно ровную поверхность с холмами и заметными линиями рельефа. Куда ни бросишь взгляд, везде кратеры – от наиболее молодых и четко выраженных до сильно измененных, лишенных кольцевого вала и камней – скорее всего, из-за постоянной метеоритной бомбардировки.

На расстоянии нескольких километров от места посадки ракеты хорошо видны горы, какая у них может быть высота – до четырех-пяти тысяч метров? Мягкие очертания, скругленные вершины – видимо, очень древние горы, несущие на себе следы эрозии и медленного раз-

рушения. Сравнительно недалеко громоздились острые скалы, похожие на привычные нашему глазу земные утесы, – должно быть, осколки более молодых горных образований.

Красота! Впечатление от лунного пейзажа на некоторое время заставило Ветрова забыть о проблемах. Не может быть! В это невозможно поверить. Сбылась мечта всей его жизни. Кроме того, совсем забыл... Они ведь первые русские на Луне. Надо было заранее подготовить российский флаг. Много чего надо было. С ума сойти...

Космонавты прыжками направились к ближайшим скалам. Может, здесь они найдут какие-нибудь постройки?

Даже в тех местах лунной поверхности, которые издали казались ровными, весь грунт был изрыт воронками и засыпан камнями. Пришлось передвигаться не торопясь, «прыжок за прыжком». Ноги космонавтов покрылись липкой черной пылью.

Шельга заметил, что метрах в пятистах застыли серебристые тарелки, и жестом остановил Ветрова. Откуда они взялись? Только что их не было. Стоят неподвижно на невысоких опорах – видимо, за нами кто-то наблюдает. Что это, галлюцинация? Или на самом деле? Другая реальность, голова идет кругом. Смотри, смотри, Вовик, это почище твоего мексиканского пейота будет. Готовься, сейчас из тарелок выйдут зеленые человечки.

Макс ничего не говорил об инопланетянах. Макс, Макс... Наверное, не мог сказать, наверное, совсем другой уровень секретности... Как говорят восточные мудрецы: из неизвестного в неизвестное. Эх, мама родная, видать, не зря я ввязался в эту авантюру...

– Привет, инопланетяне, привет с Земли! Сейчас запечатлим вас для потомства, – Ветров навел фотоаппарат.

Яркая вспышка света на одной из тарелок заставила космонавтов зажмуриться, резкая боль в глазах, на несколько секунд все расплылось, потеряло четкие очертания, но затем зрение постепенно пришло в норму. «С фотоаппаратом, похоже, можно попрощаться – почти сгорел, только дымок распространяется небольшим бледным шариком. Ничего себе дружеский прием! Что делать? Те, в тарелках – ну должен же кто-то там быть, – выжидают, чего они ждут, когда загнемся, что ли? Не дождетесь, постараемся как-нибудь выкарабкаться. Хорошо хоть с Шельгой не прервалась связь».

– Ладно, Вова, раз мы им не нравимся, «поскакали» дальше. Как там, на Майдане, в начале девяностых кричали: «Кто не скачет, тот советский человек»? Фу-у, какая гадость!

Первые россияне на Луне; хотели как лучше... Почти полмиллиона километров пролетели, мы уже здесь, а ведь ни черта не подготовились. Космонавты воленс-ноленс. «Космонавты поневоле» прыжками направились к ближайшим скалам. Высокие скалы, почти такие, как на Земле. Тарелки оставались неподвижными. Прыжки а-ля кенгуру, через некоторое время путешественники оказываются у основания скал. Что это, им так повезло или просто Макс настолько точно рассчитал точку посадки? Среди нагромождения камней они обнаружили восьмигранную, стеклянную пирамиду размером около шести метров в основании и чуть больше метра высотой. За пыльным, очень пыльным стеклом – темнота.

Путешественники оглядываются по сторонам, смотрят туда, где только что стояли тарелки, – нет тарелок. Исчезли. Снова одни. Чего ждать? Стучат кулаками по стеклу, бьют камнями. Кислород кончается, вернуться в ракету они уже не смогут. А если бы и смогли... Совсем небольшая отсрочка. Это шлюз. Там должны быть люди.

– Откройте, откройте, мы к вам с Земли. Черт побери, не дадите же вы нам вот так запросто умереть.

Кислорода не хватает, космонавты вот-вот потеряют сознание. Последнее, что они видят: медленно, словно во сне, поднимаются грани пирамиды – наконец-то! – откуда-то снизу, изнутри, выходят великаны в чешуйчатых скафандрах с прозрачными шаровидными шлемами на голове. Похожи на людей. Но не люди. Селениты... «Гришка, едрён корень, ты же говорил: «малюпенькие» с бородами. Огромные, бритые... Опять галлюцинации мексиканские...»

Ветров и Шельга постепенно пришли в себя. Они лежали без скафандров на больших металлических кроватях почти метровой высоты в ярко освещенном помещении. На них костюмы космонавтов. Шельга проверил – пистолета в кармане комбинезона не оказалось – «забрали, гады!». Стекланный потолок, голые стены – в основном из неизвестного землянам материала, напоминающего одновременно и металл, и пластик, – светятся изнутри мягким, теплым светом. Похоже на больницу. Где мы, что с нами?

Воздух здесь оказался очень разреженным, у обоих сильно болела голова. Ветров быстрее адаптировался, сказались постоянные тренировки – и в горах, и на тренажерах у Макса. Шельга – наоборот, совсем никакой. Очень и очень слаб, голова кружилась, да и сам он двигался пока с большим трудом. Космонавты попытались встать. Ветров отметил, что почти не ощущает теперь своего веса. Ну, конечно... Тяготение в шесть раз меньше. Значит, он весит сейчас килограммов двенадцать-тринадцать, не больше.

Вошли великаны, двухметровые гиганты с гипертрофированными надбровными дугами и челюстями, полуголые, кожа светлая, с синеватым отливом. Одежда на плечах и на бедрах – шкуры животных, разные виды меха. Великаны обратились к путешественникам на английском, на плохом, корявом, но это все же был английский. Откуда они могут знать английский? Называют себя народом «энки», «бритоголовыми». Действительно, их головы тщательно выбриты, так же тщательно выбриты лица, однако у некоторых – косматые рыжие бороды. «Бороды, видимо, носят начальники, возможно, жрецы или какие-нибудь другие высокопоставленные лица», – подумал Юрий. Бритоголовые с высоты своего огромного роста презрительно рассматривали землян, выразительно поглядывая друг на друга.

– Вы находитесь в центре энков, в городе Урук, вы теперь наши пленники. Можете называть нас волобуями, если хотите, так называют нас в колонии землян, – судя по всему, эти самые волобуи были настроены подозрительно и далеко не дружелюбно. – Следуйте за нами, жалкие негодяи! – Да, такого обращения наши путешественники никак не ожидали. «Ну, не нравимся мы им, все равно могли бы и повежливей».

Ветрова и Шельгу отвели к Думузи, начальнику воинского отряда. Его помощники объяснили пришедшим, что на языке селенитов имя Думузи означает «покровитель скотоводов». «Почему скотоводов? Эти великаны, они скотоводы, что ли? Где здесь можно разводить скот? Наверное, есть какие-то полости под поверхностью Луны. Скотоводы, волобуи... Волобуи – звучит вполне по-русски. Слово «волобуй», как я помню, было когда-то принято у донских казаков для обозначения тех, кто забивает волов. Остроумно, черт побери. И довольно точно. Наверное, среди колонистов есть русские. Интересно, откуда там могли взяться русские?»

Думузи встретил землян в большом зале, на его плечах и бедрах, так же, как и у его охранников, – грубые шкуры и мех. Только под мехом и шкурами на нем была одежда, чем-то напоминающая Ветрову их собственные костюмы. Стены украшены плющом, диким виноградом, пучками сахарного тростника. Это не имитация, не сухие стебли и листья – настоящие живые растения, которые поднимаются вверх, казалось бы, прямо из гладких полированных плит пола. Видимо, там, под этими плитами, к их корням каким-то образом подаются вода и питательные вещества.

– Откуда вы взялись, мерзавцы? Вы что, не знаете? С американцами подписана конвенция: земляне в течение пятидесяти лет обязуются не посылать сюда экспедиций. За это мы гарантировали не трогать вашу вонючую колонию. Кто вы и зачем сюда явились?

«Грубые неотесанные скотоводы... Непонятно, откуда у них скафандры, летающие тарелки, вся эта сложная техника? Кто построил этот потрясающий зал? Неужели такие тупые гориллы в состоянии создавать и поддерживать работу сложного и высокотехнологичного лунного мира?»

Ветров рассказывает о том, что они стартовали с Тихоокеанского побережья Америки, «как мы поняли – вы что-то знаете об Америке». Что по многим причинам экспедиция не была заранее запланирована. Поэтому они не успели должным образом подготовиться к полету, не изучили расположения колонии землян, а о существовании «лунян» и вообще ничего не знали. Встреча с жителями Луны для них сюрприз и большая честь.

– Отведите нас к землянам. Неплохо было бы вернуть пушку моему другу. У него есть все документы на оружие. Конечно, для вас это не имеет значения. Но документы – это всегда хорошо. Документы подтверждают благонадежность человека. Вы можете на нас положиться. Мы прибыли не ради переворота, у нас нет секретных заданий, мы не собираемся ничего менять. А пистолет – как можно остаться без оружия? На незнакомой планете, с незнакомыми существами, ничего не зная о том, как здесь организована жизнь.

Селениты недоверчиво выслушали рассказ Ветрова.

– Ну, теперь ты скажи что-нибудь, мелкий! – Шельга плохо понимал, что происходит. Его качало из стороны в сторону – ну, не было у него сил стоять.

– Дайте мне сесть и верните оружие!

Огромный волобуй, видимо охранник, неожиданно схватил Шельгу за шиворот и резко встряхнул.

– Оставь его, жердяй, – не видишь, ему плохо? – закричал Юрий. – Оставь моего друга. Или ты не понял?

– Что молчишь, мелкий, не умеешь разговаривать? – спросил волобуй, словно не заметив криков Ветрова, и неожиданно наотмашь ударил Шельгу ладонью по лицу. Одним прыжком Юрий покрыл несколько метров, отделявших его от охранника. «Вот это был прыжок! – подумает он позже, вспоминая об этом происшествии. – Расстояние – ну никак не меньше пяти метров, и будто взлетел над полом, во всяком случае – до уровня головы этого нелепого великана».

– Получай, дубина! – Кулак землянина врезался в огромную, гладкую, голубовато-белую челюсть волобуя. Удивлению Ветрова не было границ – никак он не ожидал от себя такой прыти. Новая жизнь меняет человека. Он теперь на Луне, добился того, о чем раньше не мог даже мечтать... Свободен, совершенно свободен. К черту ограничения, к черту воспитание и всяческую политкорректность, к черту ощущение опасности и холодный расчет. Ветров чувствовал себя по-настоящему независимым и свободным, он будет теперь делать только то, что считает нужным.

«Что произошло, что случилось с огромным волобуйем? Гигант словно рассыпался от удара, упал без сознания, рухнул, словно огромная, беспомощная скала. Вот он, лежит бездыханный на гладком полу. Не он – его пластилиновая копия. Неужели я убил его? Ну, конечно, мы, земляне, выросшие в условиях шестикратно большего тяготения, должны быть значительно сильнее селенитов».

Немая сцена: все поражены, Шельга – тот просто опешил, Думузи не может поверить собственным глазам – неожиданная демонстрация мощи незнакомого землянина произвела на него сильное впечатление. Волобуйские женщины хлопчут около упавшего великана, пытаются привести его в чувство.

Начальник воинского отряда принимает наконец решение.

– Хорошо, будь по-твоему. Отведем в колонию – но только тебя, одного тебя! А этого, – он указал на Шельгу, – оставим пока здесь.

Шельга как заведенный продолжал бубнить:

– Верни оружие, Думузи, верни мой пистолет.

– Ты, сопля, что ты со своей пукалкой носишься? Разве это оружие? Рогатка, по существу. Детская рогатка, которой никого не испугаешь. Покажешь себя послушным и тихим – отдадим пукалку, будто она может тебя от чего-то спасти, человечек из железного века. Не бойся. Мы

тебя не тронем. Подлечим. Эй, кто-нибудь, дайте-ка ему желатиновый зонд. Съешь, мелкий, это органическая микросхема – пока зонд рассасывается, мы осмотрим тебя изнутри. За тобой будем следить... Не обсуждать мои слова! Ты безоружный. Даже если мы отдадим тебе твой беспомощный gun, разве это оружие? – показывает свой бластер, беззвучно стреляет тонким лучом, потом дает шипящий электрический разряд в воздух.

«Похоже на лазер, совмещенный с электрошокером», – подумал Юрий.

– Видишь это? А ты, как там тебя кличут – Ветров, что ли? Скажи спасибо, что идем вам обоим навстречу. Но твой друг пока останется здесь заложником.

Ветрова посадили в аппарат, напоминающий автомобиль, – в стеклянную капсулу с прозрачными стенками. Его сопровождали Думузи с охранником.

– Агалот, – объяснил с важным видом Думузи Ветрову, показывая на аппарат. «Агалот, так агалот. Будто это что-то меняет – просто слово такое. А тачка классная, конечно. Агалот, Думузи... Что-то эти слова мне напоминают, что-то знакомое, не могу понять что...»

За руль сел охранник. Думузи молчал, Ветров не услышал приказа охраннику, но понял, что какой-то приказ ему все-таки дали, потому что вопросительное выражение лица волобуя сменилось спокойно-деловым. «Похоже на то, что они общаются без использования звуковых сигналов, – подумал Ветров. – Интересно и непонятно. Ничего, мой друг, со временем разберемся».

Охранник дотронулся до каких-то точек на передней панели. Зажегся наружный свет, капсула поднялась и поплыла внутри огромного длинного зала. Из него во всех направлениях выходили туннели. Капсула свернула в один из них. Ветров успел разглядеть, что стены туннеля состоят из базальтовых пород, но на них не видно следов обработки, камень словно оплавлен – похоже на то, что стены были обработаны тепловым лучом. Попад в туннель, агалот, как нетерпеливая лошадка, резко рванулся вперед и быстро набрал огромную скорость. В туннеле, видимо, был частично откачан воздух, возможно, у этого летающего автомобиля была хорошая звукоизоляция – в кабину не проникали никакие звуки, не слышно – ни шума встречного потока, ни шума двигателя (какой-то двигатель ведь должен быть у этой стремительной повозки), нет никаких вибраций – ничего, видна только сплошная стена гладкого базальта, безмолвная, освещенная наружными огнями агалота, пролетающая бешеной каменной лентой вдоль его бортов. Куда несет Ветрова безумная машина, что ждет его там впереди на этой знакомой с детства и совершенно незнакомой планете?

«Пока без потерь. Оба живы. Пока. Целы, не ранены. Нашли шлюз, нас спасли неуклюжие и нелепые, угрюмые голубые великаны. Словно сошедшие со страниц низкопробных комиксов, карикатура какая-то. Спасены. Но, честно говоря, посадка получилась не очень-то мягкой. В прямом и переносном смысле. Посмотрим, что будет дальше. Как писал Роберт Хайнлайн, «Луна жестко стелет».

Непонятный, враждебный, пугающий мир. С привкусом фарса и фейка. Трудно поверить, что меньше недели назад у меня была совсем другая жизнь на совсем другой планете. Все это похоже на какое-то наваждение. Сам-то я тот же или уже другой? Определенно, во мне что-то изменилось. Кто я теперь, Юра Ветров или его лунный аватар?»

Полет и падение святого Антония

*И чуда нет, и крайне редки совпадения.
И не изменится времени ход.
Но часто паденьем становится взлет,
И видел я, как становится взлетом паденье.*

А. Макаревич

Лос-Анджелес, 1998 год. К отелю Marina Del Rey подкатил новый двухместный светло-серебристый ламборгини с открытым верхом. ОТЕЛЬ скромный, три звезды, но как же он красиво расположен! Из машины вышел крепкий загорелый мужчина, поблагодарил спутницу за приятную поездку, галантно поцеловав ей руку. Это Юра Ветров, бизнесмен из России. Ладный, худощавый мужчина с чувственным ртом, горячим взглядом и красивыми, ухоженными руками.

За рулем – симпатичная блондинка с короткой стрижкой; обтягивающая футболка с откровенным вырезом, белоснежные шорты и такого же цвета босоножки. Сумочка-кошелек на длинном шнурке и тонкий запах духов.

Кем она приходится Элону Макс – подругой, женой, секретарем? – Ветрову это неважно. Наверное, неважно, хотя – как знать...

Утром она вызвала Ветрова на ресепшен. «Меня зовут Юля. Вообще-то Джулия, но для русского уха лучше звучит Юля – так ведь? Я от мистера Макса. Он поручил показать вам город. Так что я в полном вашем распоряжении». Заметив, как вспыхнули и загорелись его глаза, добавила: «Сразу хочу уточнить, Юрий, я – давняя знакомая мистера Макса, чтобы... чтобы потом не было недоразумений. Впрочем, если у вас есть другие планы, скажите, я сразу уеду. Других планов нет? Отлично, тогда поехали».

Поездка получилась прекрасная. Припарковались в районе знаменитого Венис Бич, Венецианского Пляжа. Гуляли по набережным, наслаждались шумом волн, запахом соли и водорослей, ощущая дыхание океана.

Сегодня заканчиваются три дня, выделенные Юрию для отдыха перед полетом. Надо собираться, завтра – последний медицинский осмотр и старт. Ветров был уверен в своей форме. Здесь, в центре астронавтов у Макса, он хорошо подготовился: спортзал, бассейн, барокамера, и теперь его физиологические параметры – максимальное потребление кислорода и уровень порога анаэробного обмена – дай бог каждому. Бригада астроврачей придает, кстати, этому большое значение. Не силач и, конечно, не юноша – тридцать семь уже стукнуло, но дыхательная система в полном порядке.

Юрий немного волновался перед стартом, хотя, можно сказать, всю жизнь он готовился именно к этому завтрашнему дню. С детских лет во всем хотел быть первым. Вдумчивый, обстоятельный, временами – скрупулезно исполнительный... Возможно, это капля немецкой крови от деда по отцовской линии – этнического немца. Исполнительный и одновременно дерзкий, немного тщеславный, совсем немного, но в первую очередь – дерзкий. Романтичный, чуть инфантильный – с одной стороны, трезвый, рациональный – с другой, как это может сочетаться в одном человеке?

Занимался электроникой, математикой – здорово, очень даже интересно, но это ведь, наверное, не все. Ему казалось, что будет еще в его жизни нечто другое, совсем другое, что-то необыкновенное, продолжал готовиться, сам не зная к чему, но продолжал. Занимался дыхательной гимнастикой, поднимался в горы, опускался на морское дно. Всю жизнь его кумирами

были: «человек-лягушка» Питер Кола, апноэ¹ под водой которого превысило девятнадцать минут, Герберт Ницш, погрузившийся на глубину в двести метров, Владимир Балыбердин, покоривший Эверест без кислородного аппарата.

Конечно, сам полет... Что об этом думать? Он сделал все, что мог. Теперь будем решать проблемы по мере поступления.

Как все-таки хорошо бродить по лабиринтам маленьких улиц лос-анджелесской Венеции! И спутницу ему подобрали...

Юля не объясняет, не комментирует, дает гостю из далекой России насмотреться. Дома, разрисованные граффити, необычные скульптуры: одна – из цепей, другая – из подков, пятиметровый паук из металла. Туристы, торговцы, фокусники, жонглеры, канатоходцы. Абстрактные фигуры конструктивистского толка – усеченные пирамиды, конусы, срезанные наискосок призмы. Закусочные, лавки, пиццерии, пивные бары. Выставки, галереи в помещениях и под открытым небом. Все яркое, сочное, вкусное. Конкурс красоты. «Настоящие мужчины» меряются силой в круге для борьбы сумо.

Зашли в ресторан морской кухни, расположенный на платформе прямо в море. Вокруг резвились любители водного отдыха. Разноцветные виндсёрфинги, небольшие яхты, швертботы, целое облако из воздушных змеев кайтсёрферов.

В ресторан неожиданно вбежала девочка лет двенадцати-тринадцати. Племянница Юли. Что-то шептала ей на ухо, с любопытством поглядывая на Ветрова. Живая, тоненькая, очень симпатичная. Одета по-летнему: шортики, майка, на стройной шейке – маленький золотой кулон в виде ключа с камешком. Зачем она приходила? О чем-то хотела спросить Ветрова или это ему показалось? Хотела, но не спросила – не решилась почему-то. Похоже, он понемногу становится местной знаменитостью. «Как тебя зовут, дорогая?» «Вероника», – ответила она и задорно вскинула голову. Пошептала еще с Юлей и исчезла – так же внезапно, как появилась.

Завтра начнется большая работа, зато сегодня – полная свобода. Хочется все попробовать. Тихоокеанские устрицы, рыбный суп «буйабес», морские гребешки, местное калифорнийское паровое пиво. Юля потягивает коктейль. Спокойная, неторопливая беседа. О Калифорнии, о России. И рядом эта женщина, боже, какая женщина! Влюбчивый, всю жизнь он в кого-нибудь влюблялся. И сам нравился женщинам.

Вот и сейчас он чувствовал, что его неумолимо тянет к этой Юле; не исключено, что и та уловила его вибрации и приняла их, так сказать, благосклонно. Прекрасно, очень хорошо, красота чудесного мгновения. Никогда он заранее не волновался, будет или нет продолжение. Продолжение – это как судьба, оно либо приходит, либо не приходит. Здесь, видимо, ничего не будет. Во-первых, Элон – его друг и партнер. Похоже, это его девушка. Во-вторых, он, Юрий, завтра улетает. Когда вернется – неизвестно. Вернется ли вообще – тоже неизвестно.

Сумерки сгустились, упала южная ночь. Юля подвезла гостя к отелю и, прощаясь, напомнила: в шесть утра надо быть в офисе Макса. Надеюсь, вы понимаете – никаких опозданий, ваш день расписан по минутам. Старт назначен на 12.00.

Ветров сам выбрал этот отель, когда был еще в Нью-Йорке. «Вам ближе к Бульвару Звезд или к деловому центру?» – «Ближе к океану!» Вышел на галерею перед входом – красота! Шикарный, расцвеченный огнями вид ночной бухты и яхтенной пристани. Сотни яхт у причалов. Лунная дорожка. Неподалеку кто-то швартуется, слышны приглушенные голоса. Из бара на берегу доносятся звуки блюза. Парень и девушка целуются, прислонившись к стволу пальмы. И над всем этим – огромная, слегка красноватая луна. Ночное светило приветствует тебя, Юрий Сергеевич. Оно ждет прибытия нового гражданина планеты Луна.

Нашел на галерее круглый столик. Уселся поудобнее в легкое кресло и с наслаждением закурил. Хочется вкусить и запомнить всю эту земную благодать, когда еще доведется побы-

¹ Задержка дыхания (*греб.*).

вать здесь? Может, и никогда. Да, неплохо было бы еще раз прогуляться с Юлей по лос-анджелесской Венеции.

Почему-то вспомнилась жена, их первые жаркие ночи. Оба они умели не торопиться. Покурить до, оттянуть как можно дольше начало поцелуев и объятий – до тех пор, пока сердце не забьется бешено, пока оттягивать сближение будет уже невозможно. Выкурить по сигарете после... Знаешь, Юра, почему я тебя люблю? Ты очень красивый! Это я-то красивый?!

Ну, и что жена? Сердце больше не трепетало при воспоминании о ней. Два года назад разошлись, а на самом деле – и того раньше. Ничего не осталось. Было когда-то. Искры высекались, и пожар был, а вот, гляди, ничего не осталось. Куда все подевалось? Только по маленькому Сереже очень скучает... А ведь была любовь. Была ли? Вот Инна – совсем другое дело.

Единственной женщиной в его жизни была Инна Шершень. Первая любовь. В двенадцать лет бегал к ней в пионерлагерь, целовались у забора. Когда снова встретились, уже совсем взрослыми, Инна была замужем. Любовь вернулась – властно и безоговорочно, будто никогда и не уходила, будто и не было этих взрослых лет, вернулось все – и волнение, и тепло, и нежность, и юношеская доверительность, но за пределами свиданий – почему так получается? – какая-то ее чужая, неизвестная ему жизнь, другой мир, отделенный от него Берлинской стеной с наглухо закрытыми стальными дверьми. Куда ты исчезаешь, Инна, где ты обретаешься, чем ты живешь, когда мы не вместе, откуда эта черная завеса молчания?

– Не спрашивай, дорогой, ни о чем не спрашивай. Тебе ведь хорошо со мной? И мне тоже... Очень хорошо. В тебе – вся моя жизнь, тебя одного люблю, неужели этого мало?

Не могло так продолжаться бесконечно – будто каждый день отрезают от тебя кусочек сердца. Больно. Если бы ты знала, милая, как больно!

Тучей налетели девяностые, жизнь резко изменилась. Началась перестройка, развалился Союз, рухнула промышленность, а вместе с ней и наука. Пришлось сложить крылышки, отбросить честолюбивые мечты и с головой окунуться в российский капитализм, такой свободный, такой расхлябанный, такой отвязный и веселый, разве что запашок не очень – капитализм с криминальным душком. Никогда он не думал о себе как о торговце, о барыге, а вот... Как говорила баба Маня, нет уже бабы Мани, светлая ей память, – «захочешь какать – присядешь».

Они снова увиделись с Инной, встретились на вечеринке у друзей. Встретились хорошо, но... Какой уж там лямур! «В прошлом, все в прошлом, Юрочка, мы теперь только друзья, просто друзья и все. Грустно, конечно, но такова жизнь. Я по-прежнему замужем, ты – женат. Живу с мужем в Китае, он там большой человек, торговый атташе, в России появляюсь редко. Давай, помогу тебе с бизнесом – мы ведь свои люди».

Объединили капиталы, организовали небольшое производство в Китае: сборку водяных счетчиков для России. Ерунда, конечно, но деньги это приносило.

Нет уже теперь производства в Китае. Продали и поделили. Вот баксы на карте – все, что осталось. Тоже немало. Двадцать миллионов... Неприкосновенный запас – НЗ, мой билет на Луну.

Надо бы в номер подняться. Пора уже. Собраться, принять душ, отдохнуть. Завтра тяжелый день. И послезавтра, и послепослезавтра.

Давай, Юрий Сергеевич, Луна зовет. Если все пройдет, как задумано, тебя ждет новая родина. Была Россия. Сполохи революций, родные просторы, великая русская литература, ушедшие и не встреченные любви, идеи, озарения и, увы, несостоявшиеся научные прорывы. Теперь будет Луна. Ночное светило. Звезда ночных тайн, сокровенных снов, злокозненных, подковерных дел и опасных интриг, свершающихся под покровом ночи. Что ждет тебя там? Если долетишь, конечно.

Темнокожий юноша в бежевой футболке с надписью «Marina del Rey Hotel» улыбается, вежливо приветствует Ветрова и открывает перед ним дверь. Каждый раз при входе в отель у Ветрова возникает это необычное ощущение: что это – сон, иллюзия, сказка? Внутренние балконы второго и третьего этажей обрамляют холл, под потолком – объемная композиция, стая морских птиц. Внизу – крупные птицы в натуральную величину. Те, что выше, – размером поменьше. Летят по кругу. Лучи подсветки создают на потолке и стенах светлые круги, испещренные тенями птиц.

Две девушки на ресепшен тоже нежно улыбаются. Разве вы не видите, мистер Ветров? – говорят их дежурные улыбки, – мы ведь ждем вас, именно вас, одного только вас.

Его номер на втором этаже. Темнокожий юноша провожает до лифта, нажимает кнопку вызова.

В креслах около стойки ресепшен расположилась группа из трех крупногабаритных мужчин с квадратными плечами. Одеты все одинаково: светлые бежевые брюки, темно-синие футболки и легкие ветровки. На спине одного из амбалов красуется гордая надпись FBI. При появлении Ветрова мужчины резко встали и быстро направились к нему. «Мистер Ветров?» Один из подошедших достал значок сотрудника Федерального бюро расследований. «Мистер Ветров, вы арестованы. Вы понимаете английскую речь? Отлично! Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Вы также можете связаться с консулом своей страны, прежде чем отвечать на любые вопросы. Вы понимаете свои права?» Ответ утвердительный, но на самом деле «мистер Ветров» ничего не понимает. Ему надели наручники и подтолкнули к лифту. Темнокожий юноша испуганно отскочил в сторону.

Что это? Может, я сплю? Или чья-то глупая шутка? Словно идешь куда-то в сплошном тумане. Все вместе – арестованный и сопровождающие – вошли в его номер.

Отوبرали паспорт, мобильник, ноутбук. Предложили собрать личные вещи и ничего не оставлять.

Ветров остановился, в последний раз оглядел свой уютный двухкомнатный номер; панорамное окно с видом на бухту, цветы, книжные полки со справочниками, которые передали ему от Макса, – математика, астрономия, теплофизика, он и здесь продолжал работать. Как же здесь было хорошо! Похоже, придется попрощаться со сказкой. На стене – картина «Мир Кристины» Эндрю Уайета, юная девушка пытается удержать, запомнить и унести в памяти хрупкий мир своей мечты.

Наверное, твой полет закончен, так и не начавшись, три окаянных велиара появились не случайно, они пришли, чтобы опустить тебя на грешную землю. Рано ты вознесся, святой Антоний, праведник из Петербурга, энтузиаст фрактальных структур и фанат теории чисел.

У выхода из отеля их уже поджидал большой Ford Explorer, джип с тонированными стеклами. Посланец Иркаллы, подземного мира шумеров, он же – Аид. FBI, одним словом.

Ветрова усадили на заднее сиденье, он оказался зажатым – ух ты, даже косточки хрустнули! – между двумя здоровяками, которые за все время в пути не проронили ни слова. Когда джип тронулся, теплилась еще надежда, что есть вечер и есть ночь до этого долгожданного дня X, до новой встречи с Элоном Максом, что времени вполне достаточно, чтобы разрешить недоразумение. Но в подсознании уже звучало холодное: «А недоразумение ли это?»

* * *

Джип подъехал к серому зданию. У входа – американский флаг. Прошли в конец коридора, Ветрова ввели в большой кабинет. За столом – тучный, немолодой уже человек в штатском, посмотрел на арестованного поверх очков, жестом пригласил садиться.

– Мистер Ветров, вы находитесь в региональном офисе ФБР в Лос-Анджелесе. У нас есть основания подозревать вас в том, что вы являетесь незарегистрированным иностранным агентом и занимались сбором важной информации в пользу России. Вы работаете в СВР² России? Как оказались в Лос-Анджелесе? Где познакомились с мистером Питером Свенсоном? Что вы делали на фирме у Элона Макса? На эти вопросы вам придется ответить во время допроса в присутствии своего адвоката. Вас обвиняют в том, что в центре Макса вы получили доступ к космическим технологиям США, к программе Американского космического агентства.

«Слава богу, о лунной колонии ни слова, – подумал Ветров, – в ФБР, видимо, об этом знают далеко не все».

– А пока вас отведут в камеру временного задержания. Да, вам полагается один телефонный звонок. Говорите, пожалуйста, по-английски.

Ветров позвонил Максусу, попытался объяснить ситуацию. Просил связаться с консульством и найти ему адвоката, просил сообщить Лёне в Нью-Йорк. Элон был обескуражен и взволнован, обещал заняться этим прямо сейчас, пытался выяснить какие-то подробности. Арестованный успел напоследок сказать, что ни в чем не виноват, что это ошибка, и у него отобрали мобильник.

Подвели к какой-то железной двери, сняли наручники. Лязгнул замок, Ветров остался один. Осмотрелся. Камера чистая, размером три на два метра. Напротив двери высоко под потолком маленькое зарешеченное окошко. Между дверью и узкой койкой тумба-умывальник с выступающим из тумбы унитазом. Над умывальником на маленьком крючке – полотенце. В потолок вмонтирован небольшой светильник. Его предупредили, что в одиннадцать свет погасят. Ходил по свободному проходу вдоль стены: пять шагов от двери до окна, пять шагов обратно.

² Служба внешней разведки.

Жизнь – либо дерзкое приключение, либо ничто

Думай, Юра, думай. Что это за вопрос тебе задали? Где ты познакомился с каким-то человеком со скандинавской фамилией? Кто такой этот Питер Свенсон? Ты вообще его не знаешь. Постой, постой... – электронное письмо. Ну да, письмо с данными о перспективной ракете для полета на Марс, подписано Питером Свенсоном. Они прочли твою почту. Вот мерзавцы. Картина проясняется. Российский бизнесмен Ветров Юрий Сергеевич едет в Нью-Йорк в гости к старому приятелю. При этом почему-то оказывается на другом конце страны, в Лос-Анджелесе. Более того, проникает в закрытую фирму SpaX, разрабатывающую изделия стратегического назначения. Не просто проникает. Выспрашивает у знаменитого Элона Макса технические подробности этих изделий. Вот такая получается картина. С другой стороны, вызов-то был от Макса. Это же легко проверить. Но кто этот Питер? И тут его, как током ударило: его подставили, грубая подтасовка. Он не удивится, если Свенсон окажется матерым шпионом и следил за ним еще в Петербурге.

Так, вспоминаем все по порядку. В Нью-Йорке в аэропорту тебя встретил давний приятель. С Лёнькой ты работал когда-то в одной шарашке в России. Теперь он гражданин Соединенных Штатов. Ты решил на пару дней задержаться у него – город посмотреть, расспросить об американских порядках и нравах. Специально съездил в нижнюю часть Манхэттена, чтобы пройти по Уолл-стриту, поддержать за яйца знаменитого бронзового быка недалеко от Биржи. Американцы верят в примету: кто погладит руками balls этого быка, тому улыбнется удача – в бизнесе, в денежных вопросах. Ты еще подумал тогда: «А ведь мне сейчас так нужна удача. Через несколько дней состоится встреча с Максом, которая, возможно, изменит мою судьбу».

Так-так, что было дальше? Вечером проверял электронную почту. Получил сообщение.

«Уважаемый мистер Ветров! Мне поручено информировать Вас о точном времени и месте Вашей встречи с мистером Элоном Максом. Встреча состоится 18 августа в 2pm по лос-анджелесскому времени в штаб-квартире фирмы SpaX по адресу: 1 Rocket Way, Hawthorne, CA, 90250, USA.

Просьба подтвердить Ваше участие.

Помощник генерального менеджера

Такой-то такой-то (точно не Питер Свенсон!)).».

18 августа – это уже через два дня. Пора собираться. Выбрал с Лёней отель в Лос-Анджелесе. Бронировал номер, заказал авиабилет. Между прочим, это шесть часов полета, надо пере-сечь целый континент. Снова заглянул в электронную почту. Неприятно поразило еще одно только что пришедшее письмо.

«Уважаемый мистер Ветров!

По вашему запросу о состоянии дел в области создания сверхтяжелого носителя для будущих пилотируемых полетов на Марс сообщая:

1) изделие Sea Dragon является многоразовой двухступенчатой ракетой морского базирования;

2) при длине 150 м и диаметре 23 м изделие является крупнейшим из когда-либо построенных;

3) запуск осуществляется из положения свободного плавания в океане;

4) масса полезного груза, выводимого на низкую околоземную орбиту, – до 550 тонн;

5) стоимость вывода полезного груза на орбиту от 59 до 600 долларов за килограмм;

6) первый старт может состояться весной будущего года.

Уточненные параметры топлива, состава газовой среды обитания экипажа, устройств, подавляющих влияние невесомости, вы получите при нашей личной встрече, о которой мы договаривались.

Питер Свенсон».

Первая реакция была – что за бред? Ты никого ни о чем не «запрашивал». Не договаривался о личной встрече, Питер Свенсона знать не знаешь. А информацию, которую он сообщил, это же без труда можно найти в Интернете. Сколько раз тебе говорили: не открывай письма незнакомых людей, сразу отправляй их в «спам». Наверное, чья-то дурацкая шутка, подумал ты тогда и облегченно вздохнул. Нет, совсем не шутка, как выясняется. И не такая уж дурацкая.

Вспоминаю рассказы моего школьного товарища, адвоката, об американском правосудии. Америка находится на первом месте в мире по числу осужденных на тысячу человек населения. И на первом – по количеству органов, имеющих право вас арестовать. Здесь несколько полиций (почтовая, речная, парковая и так далее), несколько агентств, много самостоятельных секретных служб и управлений. Даже в таких министерствах, как образования и здравоохранения, есть свои службы безопасности, которые тоже имеют право арестовывать. В США официально предусмотрен так называемый «ситизенс арест». К вам подходит любой человек, частное лицо, и объявляет «ситизенс арест». Это значит, что до выяснения обстоятельств вы должны подчиниться и следовать за ним в полицию. Если не подчинитесь – влепят дополнительный срок за сопротивление аресту.

Что теперь делать? Грубая провокация. Как доказать, что не знаком с человеком, если он написал тебе письмо? А существует ли этот Свенсон? Кто он, этот Свенсон? Я тогда еще задавался подобным вопросом. Залез в Интернет. «Многократный чемпион мира Эмиль Хегле Свенсен ответил на вопросы болельщиков». «Дэвид Свенсон – один из основных международных инструкторов Аштанга Йоги». «Когда Свенсон говорит, что «абсолютного добра не существует», он на самом деле имеет в виду, что «в этом мире его невозможно ни описать, ни достичь»». «Безопасность – это предрассудок. Жизнь – либо дерзкое приключение, либо ничто». Никакой безопасности нет, значит – дерзкое приключение. Получается, что моя жизнь только начинается. Кто придумал этого Питера Свенсона? Кому-то было надо... Узнать имэйл ничем не примечательного бизнесмена средней руки из России, вскрыть почту, выяснить, что он беседовал с Элоном Максом о ракетах и Марсе, выбрать подходящее время, написать и отправить письмо.

Еще несколько месяцев назад, при оформлении визы у него возникло желание все отменить, отказаться, не ехать в эту дурацкую страну, в эту сомнительную поездку. Не ехать, потому что официальные власти заведомо подозревают тебя во всех смертных грехах: что ты член террористической организации, что провозишь оружие, наркотики, что занимаешься отмыванием денег и проституцией, что злоупотребляешь алкоголем, болен психическим расстройством, сифилисом, гонореей, туберкулезом и еще двадцать пять различных «что». Считают тебя лжецом, скрывающим свое намерение остаться в США нелегально. Но он все-таки поехал. Поехал и приехал. Кому-то позарез нужен его арест, или, может, просто подвернулся под руку, неудачно оказавшись не в то время и не в том месте?

Если Господь хочет наказать человека

На третий день Ветрова перевели в тюрьму штата Калифорния, в город Ланкастер, что в сорока милях севернее Лос-Анджелеса. Поместили в блок коммуникационного контроля. Там только одиночные камеры. Выдали оранжевую одежду: широкие брюки по щиколотку на резинке, рубашку с короткими рукавами, белые носки и полуспортивные матерчатые тапки. Все его вопросы: «Когда будет допрос? Когда придет адвокат? Когда я смогу позвонить? Когда мне предъявят обвинение? Когда будет суд?» – оставались без ответа. Вернее так – ему отвечали, но совсем односложно: «Вашим делом занимаются. Вы будете находиться здесь до суда, дальше – как суд решит». У нас, в России, в присутственных местах тоже так отвечают: «Вашим делом занимаются, вам сообщат».

День осужденных начинается в пять утра. Автоматически поднимаются железные щиты, которыми на ночь закрыты все камеры блока. После этого заключенные могут выходить из своих помещений, общаться между собой и свободно перемещаться внутри блока. Пользоваться бойлером с кипятком или тюремным магазинчиком. Покупки делаются только путем списания денег со счета, если эти деньги есть, если они переведены родственниками или друзьями. На счете Ветрова появились триста долларов. Кто их перевел? Макс или, может быть, Лёня? Завтрака в тюрьме не дают. Заключенные готовят себе завтрак сами – заливают кипятком овсянку или вермишель быстрого приготовления. Разрешается выходить во двор – бетонное сооружение около пятидесяти квадратных метров. Обед – общий, в специальном помещении. Дают, в основном, гамбургеры, хот-доги и чай. Иногда салаты из овощей. На десерт изредка бывают фрукты. Обед проходит с 11.00 до 11.30. После обеда Ветров занимается дыхательной йогой, общается с парой соседей, которые тоже не очень понимают, за что их арестовали. Пользуется тюремной библиотекой. Читает детективы Рекса Стаута³ о Ниро Вульфе. Ужин в 17.00. После ужина можно еще перемещаться в пределах блока, в 22.00 все расходятся по камерам, щиты опускаются.

* * *

А ведь так хорошо все начиналось.

Юрий Сергеевич решился. Продал бизнесы в Китае и в России. У него была идея – попытаться встретиться с Элоном Максом, получившим заказ от НАСА⁴ на космические челноки, и предложить ему все свои деньги – двадцать миллионов долларов, довольно много, между прочим, – чтобы его, Ветрова, отправили на Луну. Слетаю туда и обратно, сделаю хоть что-то значительное. Почему значительное? Просто космический туризм. Зато интересно. Если вернусь, конечно. Надеюсь, что вернусь. Тогда и подумаю, что делать дальше.

Ветров по Интернету обратился к Элону Макс: так, мол, и так, не могли бы вы организовать мне частную туристическую поездку на Луну, полет туда и обратно, с посадкой, конечно, и выходом на поверхность планеты?

Почему именно к Макс? Элон Макс, чем он только не занимался! Разработчик системы электронных платежей, основатель космической компании SpaX, создатель космических челноков, электромобилей, разработчик сверхскоростных вакуумных поездов, энтузиаст использования солнечной энергии, мечтает о колонизации Марса. Заказ от НАСА на двенадцать чел-

³ Рекс Стаут – американский писатель, автор детективных романов, создатель цикла романов о Ниро Вульфе.

⁴ Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства США.

ноков – это очень круто. Реальное лицо. Self-made person⁵. Новый Стив Джобс. Новый Джобс? Элон доказал, что ему по силам такое, о чем Стив не смел даже и мечтать. По силам изменить нашу цивилизацию. В 1998 году Элону двадцать семь лет. Энергичный, работоспособный и очень удачливый. Обаятельный, любит красивых женщин, шикарные автомобили. И круглые сутки работает, не щадя живота своего, – вот это человек! Элон Макс – кумир Ветрова!

До перестройки Ветров занимался электроникой, проектировал самые современные по тем временам системы. Разрабатывал нетрадиционное направление – создание стохастических вычислительных систем, десять лет отдал науке и инженерным проектам. По советским меркам многое сделал – запустил разработки в производство, диссертацию защитил, – а что в результате? Выяснилось, что ускакал далеко вперед, намного опередил свое время, что подобная техника долго еще не будет востребована. Возможно, когда-нибудь будет нужна. Наверное, когда появится индустрия по производству андроидов – человекообразных роботов, увы – пока на Земле нет такой индустрии. Какие уж там андроиды? В Советском Союзе между тем безнадежно отставали технология и современная индустрия. Ничего путного не удавалось сделать на том, что производили советские центры микроэлектроники. А зарубежная электроника, она уходила все дальше и дальше, оставалось только сожалеть и завидовать, завидовать и сожалеть...

* * *

Вот вам картина маслом – наш герой в начале 1998-го. Один, без семьи. Тридцать семь лет. Два года как развелся. Сыну восемь лет, видит его редко. Да и беспокойно там, в этой Украине. Каждая поездка – проблема. Много за что брался, пытался делать и то, и это. Все вроде успешно... А результатов нет. Хотелось больших дел, чтобы полностью захватило, чтобы отдаться всеми нерастраченными силами... Большой любви хотелось. А вот... Оказался у разбитого корыта. Ни свершений, ни любви. И возраст не юный. Куда идти, чем заниматься? Рановато ты родился, дорогой Юрий Сергеевич, рано и не там. Вот если бы тебе сейчас было двадцать семь, да жил бы ты, к примеру, в Кремниевой долине в штате Калифорния. Пустые мечты.

Всю жизнь Юру Ветрова преследовала мысль о том, что его судьба жить не здесь. Да нет – и не в Америке тоже, совсем не в Америке – на другой планете. Странная мысль, нелепая. Смешная, детская мысль. Но, как ни странно, для таких мыслей у него были весомые основания.

Макс и Ветров в чем-то похожи, но Максу удалось сделать то, что у Ветрова так и не получилось. Макс родился позже и в другой стране. Ветров увидел в нем того человека, каким мог бы стать он сам при другом стечении обстоятельств.

Не тогда и не здесь... Были, однако, и другие причины успеха американца – Элон жестче, решительней, он всегда готов рисковать и идти до конца. В его фирме на видном месте стоит статуя героя комиксов Железного Человека⁶ со значком служащего компании SpаХ на груди.

Макс, как ни странно, ответил на запрос Ветрова, потом еще раз и еще, они начали переписываться.

– Интересно, почему на Луну, мистер Ветров?

– На Луну уже летали, на другие планеты – пока еще нет. Значит, на Луну – проще. Есть и другие причины... долго рассказывать.

⁵ Человек, который сам себя сделал (англ.).

⁶ Железный человек – «Тони» Старк – вымышленный персонаж, супергерой комиксов издательства Marvel Comics и их адаптаций, созданный писателем Стэном Ли.

В общем, его, Ветрова, именно Луна интересует. Может оплатить – в пределах двадцати миллионов долларов.

Макс пишет, что Луной не занимается, готовится к освоению Марса, но встретиться – почему бы и не встретиться? Хочет заказать у «Роскосмоса» доставку автоматизированных теплиц на Марс, которые, по его замыслу, смогли бы создать будущую атмосферу этой планеты. В ближайшее время будет в России, проведет переговоры и перед возвращением домой планирует остановиться в Петербурге.

С Максом вообще все точно как в аптеке. Сказал – сделал. В апреле 1998 года они встретились в гостинице «Астория» – американский ученый и бизнесмен, русский ученый, тоже в какой-то степени бизнесмен.

Элон рассказал, что с «Роскосмосом» ничего не получается – слишком дорого, его собственные ракеты «Фалькон» и космический корабль «Дрэгон» обходятся вдвое дешевле русских средств доставки. Он, Элон, заинтересовался идеей Ветрова – организовать полет на Луну. «Фальконы» проверены на околоземной орбите. Почему бы не обкатать их в полете на планету, расположенную гораздо ближе Марса? И мощности в этом случае потребуются поменьше, и срок испытаний... Это ведь совсем недалеко – всего полмиллиона километров, даже меньше – триста восемьдесят тысяч. К тому же не в одиночку... Раз Джюрий хочет быть партнером, вложить деньги, можно сделать проект пятьдесят на пятьдесят. Макс заверил Юрия, что подумает, поручит исполнителям провести расчеты. Ветров явно ему понравился. Макс увидел в нем родственную душу, потому, наверное, и согласился просчитать возможность полета на Луну. Дерзко, смело, вызывающе – это в характере обоих – и Ветрова, и Макса. Возможно, Элон воспринял встречу с Юрием как новый поворот в своей жизни, как новый вызов.

Предложил встретиться в его, Макса, штаб-квартире в Лос-Анджелесе в августе. Вызов для оформления визы вышлет. Не исключено, что к этому времени он сумеет подготовить ракету. А спускаемый аппарат? Спускаемого аппарата не будет, его ракеты садятся на свой собственный огненный столб.

Вот это успех! Даже во сне нельзя было представить ничего подобного.

Впереди три месяца. Ветров не просто ждет вызова. Он хочет подготовить доклад. Возможно, и не придется его делать, но даже в беседе необходимо изложить свои предложения точно, кратко и, самое главное, исключить все лишнее, второстепенное. Мысль не остановить, у него есть свои идеи... Хочется поговорить с Элоном о том, что его волнует: о правильном дыхании в космическом доме и о принципах фрактальной геометрии⁷, которые можно использовать при строительстве самого дома. Эти вопросы, как ему кажется, неплохо согласуются и дополняют идеи группы Элона Макса о космических парниках, с помощью которых можно создавать атмосферу на дальних планетах. Какое это имеет отношение к полету на Луну? Пока никакого. Какие парники, где, на Луне? Потопаёт в скафандре по реголиту, сыпучему лунному грунту, минут десять, если не меньше, и назад. Да он и сам это понимает. Но в этом весь Ветров – увлекающийся, эмоциональный, непрактичный – да-да, с прагматизмом у него неважно. Но о главном он не забывает – усиленно тренируется, готовится к нагрузкам предстоящего космического путешествия и, наконец, вылетает в Америку.

Америка! Новая страна, Юрий Сергеевич впервые в США, новые впечатления... Из рассказов друзей, из современных фильмов он знает об очаровательной американской улыбке, наслышан о трудолюбии американцев, об абсолютном культе доллара и семейного благополучия. Понятие «американская мечта» существует до сих пор – «мечта о стране, где жизнь каждого человека будет лучше, богаче и полнее, где у каждого будет возможность получить то, чего

⁷ Фрактальная геометрия изучает закономерности, проявляемые в структуре природных объектов, процессов и явлений, обладающих явно выраженной фрагментарностью, изломанностью и искривленностью.

он заслуживает»⁸. Элон Макс, по его мнению, пример американца, воплотившего эту мечту в жизнь.

Ветров вылетел в Америку немного раньше, чем требовалось, он хотел провести несколько дней в Нью-Йорке.

Первый вечер, огромный диск луны находится совсем близко от шпиля знаменитого «Эмпайр стейт билдинг», освещаемого прожекторами. Луна, ты всегда рядом, может быть, скоро встретимся, жди меня, чудный, таинственный планетоид!

Знаменитая Таймс-сквер. Неповторимая Таймс-сквер, неоновое сердце мегаполиса притягивает туристов со всего мира. Реклама удивляет размерами и идеями дизайнеров. Экраны величиной с дом. Экран на полздания, где все могут увидеть сами себя. Люди останавливаются, машут себе руками. У всех эйфория, праздник, все счастливы. «Голый ковбой» Роберт Берк, ковбойская шляпа, сапоги, трусы и гитара, больше ничего – символ Нью-Йорка.

– Здесь твой корявый английский никого не удивляет, – говорит ему Леонид. – Америка – страна эмигрантов, здесь половина населения говорит с акцентом.

«Русские? – спрашивает, улыбаясь во весь рот, фермер из Техаса и протягивает огромную ручищу. – Я знаю четыре города в России: Ленинград, Петербург, Москва, Владивосток».

Какой-то человек сидит в позе «лотоса» в Центральном парке, а метрах в десяти от него бомж мочится под деревом. Все бегут, прыгают, кувыркаются, спортивные мамы тоже бегут и катят перед собой коляски. Две девушки в боксерских перчатках со смехом лупасят друг друга. Мужчины, женщины, молодые, старые, белые, черные, тонкие, толстые – все в движении, все куда-то несутся.

Неимоверное количество национальных флагов. На госучреждениях, на башенных кра-нах, на автобусах, на пожарных машинах, на детских колясках, просто в руках. Что это – беззаветная любовь к своей стране или что-то, напоминающее совдеповское «одобрямс»?

Огромное количество запретов. На многокилометровых пляжах Лонг-Айленда таблички: «Купаться запрещено». Множество других табличек. «Проход запрещен – частная территория». «Покупать и потреблять алкоголь до 21-летнего возраста нельзя», «Курить нельзя», «К краю обрыва подходить нельзя», «Костер разводить нельзя», ...льзя, ...льзя, ...льзя. Вот еще одна потрясающая надпись: «Перед домом запрещается: сидеть, празднично шататься, играть в мяч, провозить тележки, повозки, торговать. Нарушители преследуются по закону».

Перелет в Лос-Анджелес. Суeta предыдущих дней постепенно растворяется в сладкой дреме напoлзающего сна. На душе спокойно и легко. Перед глазами проходят расплывающиеся сценки. Люди «железной рукой» государства направляются к здоровью. Бросающие курить и пить идут колонной с национальными флагами. «Одoбрямс», – скандируют одни. «No to racism», – кричат другие. День Победы 1945 года, американский моряк Гленн Макдаффи целует медсестру Эдит Шейн. Кладбище старой техники. У каждой старой косилки, плуга, тачки и трактора аккуратный крестик, американский флажок и общая надпись у входа: «Покойтесь с миром». Металлические таблички на скамейках в парках. «На этом месте познакомились Том Мейсон и Сьюзи Кант». «Эта скамья установлена на средства Фреда Саммерса как подарок всем, кто посещает парк». Лица, лица. Элегантный полковник американской армии, две монашки в белых одеяниях. Двое влюбленных юношей идут, обнявшись. Образы сменяют друг друга, Ветров постепенно проваливается в сон.

Путь от отеля до Rocket Way занял двадцать минут. Знакомое по фото из Интернета огромное прямоугольное белое здание небольшой высоты, на глаз метров пятнадцати. Большая надпись SPAX на фронтоне. Одна из наклонных палочек в букве «А» отсутствует, не отвалилась – просто так задумано.

⁸ Джеймс Адамс.

Ветрова проводят в приемную. Тринадцать пятьдесят – не слишком ли рано он приехал? На одной из дверей рядом с секретарем – знакомая фамилия Kirstin Grantham – пресс-секретарь фирмы, он читал в Интернете несколько интервью с ней. Загорается лампочка – можно входить, Элон Макс ждет его.

Обстановка в кабинете обычная. На полках рядом с рабочим столом разные призы и награды. У стены черный кожаный диван. Окна выходят на залитую солнцем автостоянку. На шпалере – какой-то космический пейзаж. Кажется, что после их встречи в Питере Элон еще больше помолодел. Загорелый, улыбающийся. На нем скромная рубашка в серо-коричневую клетку без галстука и серый костюм.

– Джюрий, ты сообщал мне в письме, что хотел бы поговорить о фрактальной структуре космического дома, о материалах, о газо-воздушной среде обитания астронавта, о регенерации выдыхаемого газа. Это очень интересно. Но давай вначале о полете. Так вот, полет у нас с тобой не получается. Вернее, получается, но только в одну сторону. Мы просчитали возможности имеющейся у нас в наличии ракеты «Фалькон». Она имеет достаточный запас топлива, чтобы выйти в космос, достигнуть Луны, прилуниться, но стартовать с Луны она не сможет, не сможет добраться до Земли или хотя бы состыковаться с МКС, не говоря уже о посадке на Землю. Извини, Джюрий, я переоценил свои возможности на сегодня. Следующая ракета будет существенно лучше, но она появится только через два-три года.

Юрий Сергеевич поражен, кто так делает, почему нельзя было сообщить об этом заранее? Полное фиаско, пустые мечтания, воздушный замок рассыпался. Дом, построенный на песке. Кто знает, что будет через три года? Остаться здесь, участвовать в подготовке новой ракеты? Почему Макс продолжает улыбаться, глаза его просто сияют, что так радует этого мальчишку, этого пролазу, этого безупречного рыцаря наживы, издевается он, что ли? Зачем Ветров вообще сюда приехал?

Макс предлагает лететь в одну сторону. Какая глупость – воздуха нет, пищи, воды нет, лететь, чтобы осуществить свою мечту и умереть. Красиво, конечно, но, пожалуй, too much.

Опять он улыбается. Что это за манера такая, все время улыбаться? Зачем умирать, Джюрий? Макс рассказывает, что у него есть доступ, ему стала известна некая секретная информация НАСА. И он готов доверить ее Ветрову, только ему одному. Потому что они партнеры... Потому что проникся симпатией к русскому сумасшедшему, поверил ему.

Послушай меня, Джюрий, под поверхностью Луны существуют огромные (объемом в несколько сот кубических километров) полости. В одной из таких полостей расположена колония землян, созданная в 1967–1986 гг. во время лунных экспедиций американских «Аполлонов». Организация колонии была засекречена с самого начала, информация о ней никогда не попадала в открытые источники.

Можно лететь туда и остаться. Связь с колонией очень плохая, но он, Макс, постарается договориться, чтобы Джюрия приняли, если, конечно, его устраивает полет в одну сторону. Гарантировать быстрое возвращение русского друга он пока не может. Когда будет готова ракета следующего поколения, как она пройдет испытания, получит ли он разрешение на новые пуски, – ведь сейчас запуск ракеты на Луну он проведет без санкции НАСА, наверняка после этого его работу возьмут под жесткий контроль – пока ничего нельзя гарантировать. Но лунные челноки со временем обязательно будут. Так что космическому туристу придется провести на Луне два, а то и три года. Да и сам по себе полет – тоже огромный риск, ведь его «Фальконы» летали пока только на МКС. Согласится ли Джюрий?

Ветров не ожидал такого поворота дела. Нет, он не разочарован, он в восторге. Какая потрясающая идея! Жить на Луне – об этом он даже не мечтал. А если не вернется на Землю, если Элон не сумеет прислать за ним корабль? Кто он сейчас? Лишний человек. Один как перст. Ни семьи, ни будущего, нет ничего, что бы связывало его с Землей. Сережа далеко. Родителей нет, бабушка, вырастившая Юрия, баба Маня, давно умерла. Осталась только Инна. Но

это уже прошлое. Увидит ли он Инну когда-нибудь, даже если останется на Земле? У нее своя дорога, свой путь. Ветров свободен, абсолютно свободен, может начать новую жизнь, совсем новую, жизнь на другой планете. «Хорошо, Элон, я согласен, была не была». Сбудется его мечта. Он не просто слетает на Луну – останется там надолго. А если неудача, если не долетит? Ну, так тому и быть! С другой стороны – сколько может быть неудач? Теперь обязательно будет удача, Макс – фартовый парень. И теперь они вместе... Мелькнула даже дикая мысль – может, именно на Луне он наконец отыщет следы своего отца? Дикая, сумасшедшая мысль.

Макс радуется как ребенок.

– Ты не представляешь, Джюрий, как я счастлив, что ты согласился, что мы запустим этот проект. Я верил, надеялся. Завтра за работу. А сейчас, если хочешь, можно и о фракталах поговорить. И об особенностях экономного дыхания.

Они допоздна сидят в кабинете Макса, что-то обсуждают, рисуют фломастерами, подправляют друг друга, смеются, снова рисуют, пьют кофе...

– Послушай, Элон, ты еще не понимаешь, что такое Луна. Луна – не просто спутник, не просто планета, ну планетоид, планета – какая разница? Луну специально сделали такой, какая она есть. Не веришь? Смотри. Луна в четыреста раз меньше Солнца и в четыреста раз ближе к Земле, чем Солнце. Поэтому при солнечном затмении размеры дисков Луны и Солнца совпадают. Айзек Азимов назвал это «самым невероятным совпадением, которое можно представить». Но это не все. Период лунной орбиты – 27,32 земного дня, а относительный размер Земли и Луны – 27,31 %. В диаметре Солнца уместится 109,2 диаметра Земли. Расстояние между Землей и Солнцем составляет 109,2 диаметра Солнца. А окружность Луны составляет 109,2х100 км. Совпадения с точностью сотых долей процента. Случайными их никак не назовешь. И это далеко не все. Угловая скорость вращения Луны вокруг своей оси совпадает со скоростью ее вращения вокруг Земли, поэтому мы всегда видим только одну сторону Луны. Ты когда-нибудь думал, почему это так, Элон?

Макс загадочно улыбается. Возможно, ему хорошо известно то, о чем так пылко рассказывает Джюрий, не исключено, что он знает еще много такого, о чем его впечатлительный собеседник даже и не подозревает.

Через огромную стеклянную стену к ним заглядывает Луна. Похоже, она улыбается, ей нравится то, чем занимаются эти умные и озорные мальчишки племени землян – конечно, мальчишки, для Луны, которой уже более четырех с половиной миллиардов лет от роду, они просто мальчишки.

Ветров проходит цикл тренировки и обучения в космическом центре Макса недалеко от международного аэропорта Лос-Анджелеса: бесконечный тренинг на центрифуге, – благо вестибулярный аппарат Ветрова работает отменно – барокамера, работа на имитаторах управления ракетой, наработка навыков пользования скафандром, освоение процедур выхода в открытый космос (такое тоже может потребоваться), изучение условий, с которыми он встретится на Луне. И вот, до полета осталось три дня. Ветрова отпускают отдохнуть, побыть в городе, расслабиться, отвлечься. За это время должны пройти последние приготовления и проверки ракетного комплекса. Если все в порядке, он переведет деньги и отправится в космос.

Макс интересуется, как у Ветрова со временем. За оставшиеся дни тот собирается посмотреть Голливуд, побродить по Золотому треугольнику, побывать в некоторых музеях. Обещает не нарушать режим. «До встречи через три дня». – «До встречи».

Романтические порывы, сладкие надежды, обнадеживающие переговоры, захватывающие поездки... Да, начиналось все очень и очень здорово. Ничего не предвещало такого неожиданного поворота событий. Он столько поставил на эту безумную идею. Надо же додуматься – бросить, зашвырнуть в помойку все, что любил, чем дорожил, – друзей, родину, дом, сына, удобства, обеспеченную жизнь, наконец, – и все только для того, чтобы полететь, и куда? – на

Луну, бред какой-то. Не помогли balls бронзового быка. Почему он сразу не догадался? Это же золотой телец. Вот бык и сохранил его деньги, помог избежать полета – но какой ценой? Лететь на Луну – как такое вообще могло прийти в голову? Верно говорят: «Если Господь хочет наказать человека, он лишает его разума».

Кто не был в тюрьме, тот не видел звезд

*Все мы сидим в сточной канаве, но
некоторые из нас смотрят на звезды.*

Оскар Уайльд

– Только-только приехал из России, двух месяцев не прошло. Стою у душевой колонки на пляже. Мальчик лет восьми-девяти обливается и обливается. Направляет струю воды на окружающих – ах, как весело, как смешно! Жду пять минут, десять. Сколько можно? Отодвинул его в сторону и ополоснулся, смыл с себя соль после морского купания, – молодой, довольно полный заключенный рассказывает Юрию о своих злоключениях. – Вечером домой приходит полиция и забирает. Родители ребенка написали жалобу, меня быстро вычислили. Обвинение такое – дотронулся до чужого ребенка, значит, приставал, значит, педофил. Я по глупости пытался что-то сам объяснить на своем плохом английском, надо было адвоката дожидаться. В результате – «особо опасный преступник». Два с половиной месяца в одиночке. Это было самое страшное время. Когда тебя заводят в камеру и захлопывают железную дверь, – куда уж серьезней? Теперь твой мир – семь шагов, решетка, унитаз и умывальник.

Сначала был шок. Просто шок. Первую ночь вообще не спал и смотрел в потолок. Вывели на прогулку, маленький дворик. Пять-шесть шагов в одну сторону, столько же в другую. Смотрю, а небо – синее. И солнце. Хожу как зверь меж этих стен. Надо мной – колючая проволока, решетка и синее-синее небо. У меня было дикое состояние: в городе весна, почти лето, а меня там нет. Я здесь, в этом прогулочном дворике, где сыро и холодно. Теперь перевели в коммуникационный блок. Скоро суд. Адвокат считает, что оправдают. А кто мне все это компенсирует? А переживания моей жены, близких? Хорошо, что у семьи были деньги на жизнь.

Американская судебная система коррумпирована до такой степени, что ее уже нельзя исправить. На основании тринадцатой поправки к Конституции все заключенные в Америке считаются рабами. Если заключенный отказывается работать и становится рабом, его сажают в одиночную камеру: вы представляете, Юрий, как это влияет на психику? Приговоры никто не проверяет. Люди получают пожизненный срок за преступления, не связанные с насилием. Я знаком с молодым человеком, которому дали сто шестьдесят лет тюрьмы за кражу с ущербом пятьсот долларов. Это настоящее притеснение. Очень много молодых людей, которые попросту выброшены из жизни.

Дело не в наказании за преступления, а в доходах. Тюрьмы, коих насчитывается более ста двадцати и в которых содержатся почти два миллиона человек, превратились в индустрию, приносящую огромные деньги. Существуют компании, которые мотаются по маленьким городкам и объясняют, как открыть новые пенитенциарные заведения, чтобы возродить экономику и создать рабочие места.

Знаешь, как ни странно, но почему-то именно после ареста я почувствовал какую-то внутреннюю свободу. Как во время прыжка с парашютом. Свободный полет. Бояться поздно, хуже уже не будет. В тюрьме тебя лишают воздуха, еды, человеческого достоинства, но только не свободы, и поэтому тебя пытаются сломать, чтобы и твою внутреннюю свободу тоже отобрать.

Большое, говорят, видится на расстоянии. Или с высоты. А из ямы? В Лондоне, я слышал, есть памятник Оскару Уайльду. На нем цитата: «Все мы сидим в яме, но некоторые из нас видят оттуда звезды». Так вот, кто не был в тюрьме, тот не знает... что такое звезды.

Знакомый из соседней камеры, однажды долго смотрел в окно и сказал: «Не видел звезд на небе три года. А в тюрьме вижу».

– Что тебе запомнилось больше всего в одиночке? Передачи? Образ тюремщиков? Окна? Двери скрипят?

– Нет, не скрипят. Тишина. Такой тишины, как там, я нигде не слышал.

По громкой связи объявляют: «Ветрову пройти в комнату переговоров». Охранник открывает дверь, Ветров входит в небольшое помещение, в котором из мебели только стол и два стула. Сейчас придет адвокат и скажет: «Добрый день. Меня зовут Арнольд Джексон. Меня зовут Володя Эткин. Меня зовут Сева Гудфишеринг...» Хорошо бы какой-нибудь Рыбак, Рыболов – Фишеринг или Фишер. Неплохо бы Сева или Володя. Во-первых, из России. Во-вторых, хороший знак, если фамилия Фишер, – я ведь страсть как люблю рыбалку.

Входит адвокат. Ни тебе здрасте, забор покрасьте, ни давайте познакомимся, как принято между людьми. Сразу – с места в карьер.

– Мне позвонил Элон Макс и просил быть вашим адвокатом. Есть ли у вас возражения?

Речь, похоже, чисто американская – гнусавая, вместо всех «о» произносятся «а», озвучиваются все «г» после гласных. Не эмигрант – рыжий, худой, высокий американец, в моем представлении – чистокровный янки. Возражений у меня нет. Достает пачку свежих газет. «Очередной шпион из России пойман с поличным», «Шпионский скандал в Лос-Анджелесе», «Мистер Ветров, вы не гость, вы – шпион» и так далее.

– У меня к вам только два вопроса: знаете ли вы мистера Питера Свенсона? И являетесь ли вы сотрудником какой-либо организации?

– Свенсона не знаю. В данное время нигде не служу.

– Я не это имею в виду – являетесь ли вы сотрудником СВР?

– Что-что? Сотрудником российской Службы внешней разведки? Вы что, с ума сошли?

– Теперь все понятно, – говорит Джексон. Условный Джексон, не Эткин, не Гудфишеринг, будем считать, что Джексон.

Что ему понятно? Что это ему вдруг стало так все понятно?

– Объясните, что мне светит? Есть ли какая-то надежда?

– Надежда всегда есть. Она, как известно, умирает последней.

Ветров понимает, что влип в пренеприятную историю. Русский шпион. Разворачивается громкая кампания... «Доблестная американская контрразведка раскрыла сеть русских шпионов. Они хотели получить информацию... Навредить космическим программам Америки...»

Надо бы разговорить этого несимпатичного субъекта.

– У Элона будут неприятности? Это как-то затронет моего друга Леонида?

Адвокат отвечает:

– самого Макса уже допросили, но не задержали. Он – влиятельный человек. От него зависит выполнение важнейших программ НАСА. Насколько я знаю, ФБР считает, что он не нанес урона безопасности США. И потом, зачем вы впутываете в это дело своего приятеля из Нью-Йорка? Вам это не поможет, а у него могут быть проблемы.

Типа – какие все-таки дураки, все эти русские! Вот и весь разговор. На прощание сообщает, что в российском консульстве все знают, но по каким-то формальным причинам их сюда не пускают. Он же сам в следующий раз появится на моем допросе дня через два. «Надежда умирает последней», – бормочет Ветров, прощаясь с адвокатом.

Адвокат действительно появился через два дня. Буркнул, что допроса не будет. На ветровское «почему?» не ответил.

– Я обязан сообщить, что к вашей судьбе подключились влиятельные должностные лица России – «с какой стати? – не нравится мне это!» – и ведутся переговоры об обмене вас на какую-то шишку, важную персону, арестованную в России по обвинению в шпионаже в пользу США.

Сообщает, что уже назначен день обмена. Ветрова отправят куда-то на самолете. Обмен будет, видимо, где-то в третьей стране, адвокат этого не знает, может только предполагать... Венесуэла, Иордания, Египет, пока ничего не известно.

Арест российского бизнесмена

В Америке раскрыта российская шпионская сеть

«Шпион» Ветров и другие официальные проблемы

FLB: Российский бизнесмен, арестованный в Лос-Анджелесе, отделается мягким наказанием. «Вместо обвинений в шпионаже Юрию Ветрову будут предъявлены обвинения в осуществлении деятельности в качестве незарегистрированного иностранного агента и участия в сговоре с целью обеспечения этой деятельности».

Из России с любовью: холодная война в самом разгаре

(«*Maariv*», *Израиль*)

Российская шпионская сеть, раскрытая в США, свидетельствует о том, что старинный конфликт все еще продолжается. Россия, конечно, все отрицает, но американцы уверены, что это лишь вершина айсберга.

Бондиана а-ля рус

Помощник директора контрразведки ФБР предупредил, что, несмотря на распад СССР, «шпионаж в настоящее время распространен как никогда до этого».

Эти случаи вызвали насмешки в оценке шпионского профессионализма Москвы и напомнили о том, каким посмешищем стала выдворенная в 1992 году Эни Чаплин (урожденная Кащенко).

Согласно обнародованному обвинительному заключению оказалось, что агенты, разоблаченные в 1998 году, подобно своим коллегам, работавшим в 1992 году, добыли лишь незначительное количество полезной информации.

Специалисты, подробно изучающие деятельность спецслужб, утверждают, что посмешище, на которое СМИ выставили Эни Чаплин, предлагавшую своим «клиентам» в Америке «заоблачный секс» и ставшую потом в России телезвездой и моделью, а также ее собратьев, потерпевших явное фиаско в Нью-Йорке, безусловно умаляет значение многолетней, хорошо финансируемой и скрупулезной деятельности Москвы по внедрению «нелегалов» в западное общество.

Шпионы, которые никого не смогли охмурить

(«*The Daily Beast*», *США*)

Москва отреагировала на новое шпионское дело в Нью-Йорке в своей обычной по нынешним временам манере. Как заявил ТАСС представитель МИД РФ, «Россия настаивает на прекращении череды провокаций против российских представителей, развязанных спецслужбами США». Он подчеркнул, что в данном случае «никаких доказательств, подкрепляющих подобные обвинения, не представлено».

США отказались выпустить под залог россиянина Юрия Ветрова, обвиняемого в шпионаже.

Члены этой тройки, вероятно, были шпионами «под глубоким прикрытием». Однако предполагаемые российские шпионы, действовавшие в Нью-Йорке, не отличались большими интеллектуальными способностями – они были в большей степени похожи на неуклюжих придурков в стиле

героев Элмора Леонарда. Последние два года они тратили свое время на мечтания о том, как они будут знакомиться со студентками, а иногда работали совместно с российскими государственными новостными организациями. Однако проблемы у обвиняемых оперативников возникли в тот момент, когда они познакомились с осведомителем ФБР.

ФБР арестовало Юрия Ветрова, предполагаемого российского разведчика, выдававшего себя за руководителя компании по производству водяных счетчиков и фигурировавшего под кодовым именем «Юра». Ему приходится отдуваться за всех остальных, поскольку его соучастники – работник торгового представительства Российской Федерации в Нью-Йорке и атташе Постоянного представительства Российской Федерации в ООН – уже покинули территорию Соединенных Штатов.

Арест русского шпиона

Вчера в Лос-Анджелесе агенты ФБР арестовали 37-летнего россиянина Юрия Ветрова, который не сопротивлялся, и его в наручниках усадили в машину и увезли

В тот же день судья-магистрат федерального суда Сара Нордингтон подготовила предварительное обвинение Ветрова в шпионаже в пользу России, после чего оставила его под стражей без права освобождения под залог. Точнее, Ветрова обвиняют не в шпионаже, а в нарушении Закона о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act или FARA), который требует, чтобы проживающие в США лица, работающие на иностранные правительства или официальных иностранных чиновников, уведомляли об этом наше министерство юстиции. В данном случае органом «иностранного правительства» оказалась Служба внешней разведки России (СВР).

МИД РФ потребовал освободить российского гражданина, бизнесмена Юрия Ветрова, арестованного в США по обвинению в шпионаже

Шпион из Лос-Анджелеса

Вчера агенты ФБР арестовали в Лос-Анджелесе по подозрению в шпионаже российского бизнесмена Юрия Ветрова. Несмотря на довольно абсурдный состав обвинения, россиянину и двум его предполагаемым сообщникам может грозить до 15 лет тюрьмы. Очередной шпионский скандал комментируют американские блогеры.

HavieraManhattaran Сегодня в моем районе арестовали российского шпиона, столько было движухи! Я сначала подумал, что это может быть как-то связано с угрозой теракта – здесь довольно много евреев живет. Кстати, забавный факт: они поселили своего шпиона в трех кварталах от российского консульства. Я не знаю, глупо это или нет, но звучит, конечно, глупо. Если только они всерьез не думали, что в случае чего он просто успеет до них добежать или вроде того.

ForgerIrina Подозреваемый наконец-то был арестован – после того, как его заметили пьющим водку в шапке-ушанке и напевающим музыкальную тему из Тетриса.

TheFishtrSeatlon Вот США как-то всегда не везло со шпионажем. У нас – шпионь не хочу. Раствориться в толпе сможет человек любой национальности. Представляю себе, как американские шпионы приезжают в Россию, открывают типа кофейню для прикрытия, и никто по соседству,

конечно, вообще ни разу не задумается, почему, интересно, эти парни говорят с сиегтлским акцентом?

RandPretty Если бы они (США и Россия. – «RP») использовали холодную войну для того, чтобы победить глобальное потепление, мы жили бы счастливо и вообще больше никогда ни о чем не парились. Но они не станут, я уверен.

Beauty_Wine Политика в эпоху постмодернизма – это как очень плохой сон. Мне очень интересно, сколько людей на Земле, которые ЗНАЮТ, что происходит в политике на самом деле. 50? Может быть, 100? Даже это было бы оптимистично для планеты с населением в 6 миллиардов.

Caverdogy Никто не имеет права шпионить за США, кроме самих США!

Sultan_Of_Pingvin Лучше бы они его обменяли, это же намного круче! Все как в хоккее: если у вас есть актив, вы от него не избавляетесь просто так, а продаете. Почему не отправить этого шпиона обратно к русским в обмен на что-то полезное или, может быть, что-то им вовсе не нужное?

Charley10234 Их обвиняют в подготовке вопросов для «неназванного российского СМИ», которое должно было задать их руководству НАСА, чтобы они были полезны для российской разведки? Этот эпизод не оставляет сомнений в том, что: 1. У нас паранойя. 2. Нам зачем-то надо подпитывать антироссийские настроения вот такой бессмысленной чепухой, как эта.

Представительство РФ при ООН не стало комментировать сообщения об аресте «российских шпионов».

Отставной козы барабанщик

Шельга, как обычно, просматривал в Интернете газеты – Независьку, Новую, Комсомолку, Дэйли Коммерсант. Шпионы, шпионы. Опять антирусская истерия. Кто этот Ветров? Какая-то мелкая сошка. Пишут, что денег у него двадцать миллионов, тоже мне бизнесмен. Что такое в наше время двадцать миллионов баксов? Не мне говорить об этом – я, как был голодранец, так и остался, перебиваюсь от получки до получки. А сейчас и вообще, военный пенсионер – тьфу...

Мои-то горе-руководители, хоть и не бизнесмены, а видимо, покруче будут. У шефа один только дом во Всеволожке на червонец баксов потянет. Плюс к этому – охранные фирмы, производство стеклопакетов, пара сотен гектаров земли... Да что говорить.

Надо погуглить забугорные СМИ.

Жизнь прошла, так и остался без профессии. Все органы, да органы, родная милиция, родная ФСБ, все силы на благо страны, крутился, крутился, а ума-разума не набрался. Правда, и способности у меня не очень. В школе одни тройки – что физика, что химия, что математика... Хорошо хоть английский освоил. Немецкий тоже начал... К языкам есть интерес, с языками все получается, легко. И в работе пригодилось. Посылали с поручениями за рубеж. Хоть мир повидал. В Анголу съездил, в Афган, в Косово, на Кипр во время военных действий.

Что за бугром пишут? Крутого русского шпиона поймали. Собирали якобы инфу о космической программе НАСА. Подумаешь, приехал на частную фирму... Хотя, конечно... В космонавтике сейчас только четыре субъекта сваяли возвращаемые аппараты – Россия, США, Китай и эта фантастическая личность Элон Макс. Да, ничего не скажешь, Америка – страна неограниченных возможностей. У нас тоже неслабо, у нас своя фантастика: соцсоревнование – кто больше наворует. А этот из Южной Африки – с нуля поднялся и, смотри ты, собирается Марс колонизировать. На собственные средства. Видел ролик с ним – классный парень. Мне тридцать четыре – и никаких перспектив. Достижений тоже нет. Тупой служака. А этому – всего-то двадцать семь. Заказ НАСА на сколько-то челноков для МКС, лучший в мире электромобиль и готовит полет на Марс, да не один – десятки...

Не, конечно, могли этого Ветрова заслать. Из СВР... Или из нашей фээсбэшной контрразведки, хотя вряд ли – не фээсбэшные это дела. Теперь те будут обливать грязью, наши будут опровергать. Подключат правозащитников. Подберут адвоката. Очередного надутного идиота за огромные деньги. Все международные дела продуваем. А потом Ветрова-пустышку менять будем на большую шишку – о как, стихами заговорил! Не раз уж так было. Нужно нам было выменивать эту неудачливую подстилку Чаплин – что она сделала? – я-то хорошо знаю: ни-че-го, даже переспать с важняками и то не смогла!

Европейцы по-другому работают. Не показался кому-то Стросс-Канн как будущий президент Франции – чисто подложили под него черненькую потаскушку, та жопкой повертела, может, и не дошло до этого... А Стросс-Канн – тью-тью... Ни тебе Валютный фонд, о президентском кресле тоже забудь, в общем – прощай, свобода. Отмылся, правда. Но это было потом. Поезд уже ушел.

И чего я переживаю, мне-то что? Ты, Вовка, теперь пенсионер, отставной козы барабанщик, сиди и не питюкай. Военный пенсионер, всего-то двенадцать лет выслуга. Уволился со службы по состоянию здоровья. Отслоение сетчатки. Давно уже в клинике Федорова привадили сетчатку лазером. Сам же и захотел уйти, мог бы служить и служить, получил бы подполковника. Вопросы задавай самому себе, майор Шельга. Надоело лямку тянуть. Тоска. Контора понемногу превращается в ведомство по отжиму собственности, многие туда окунулись. Не все, конечно... Крышуют фирмы-однодневки, помойки по-нашему, – есть и такие. Нет, не по характеру мне такая работа. А ведь я еще молодой, чем-то надо заниматься. Да и зарабатывать.

Дети, правда, выросли. Все равно... Куда-то надо податься. Бывший сослуживец приглашает в Совет ветеранов, есть работа в охранных структурах.

Звонит телефон.

– Майор Шельга? Полковник Наливайко говорит. СВР. Не знаете? Ладно, не берите в голову. Хотелось бы переговорить.

– Я ведь демобилизовался, товарищ полковник.

– Работники органов не бывают бывшими.

– Вы правы, товарищ полковник. Тогда я должен доложить начальнику управления. Моему бывшему начальнику. Ну не бывшему... В общем, вы меня поняли.

– Не нужно кому-то что-то докладывать. Сами проинформируем. А нам надо бы переговорить с глазу на глаз. Вас рекомендовали как опытного, надежного работника. И языками владеете. Вас ведь в комсомоле называли ВСВС? Вы меня не знаете, а я так вас преотлично знаю. Нет, мы встретимся не в моем кабинете. На Разъезжей... в китайском ресторане. Пообедаем заодно. Там, скорее всего, окна будут закрыты и двери заперты. Как попасть? А вы подходите ровно в шестнадцать, вам и откроют. Буду уже там. Любите китайскую кухню? Не разбираетесь? Зато я хорошо разбираюсь, угощаю, если вы не против. Китайской водки попробуем. «Маотай»! – водка императоров. Ну, и генсеков, конечно. Вы пьете? Иногда? Ну и правильно. Знаю, что не злоупотребляете. А что пьете иногда – правильно. Вы же русский человек. Белорус? Русский, белорус, украинец, какая разница? – один народ. В этом ресторане? Нет, нам никто не помешает. Я там встречаюсь с агентами. Боже упаси, чего вы оскорбились, какой вы агент? Пошепчемся, поговорим как сослуживцы. Нет, никаких документов не надо, я вас узнаю. Какой вопрос? Это не телефонный разговор. Добро? До встречи, Владимир Владимирович.

Ресторан «Харбин»

Наливайко ожидал Шельгу в пустом, полутемном зале ресторана «Харбин». Харбин – город, где когда-то жило много русских. Когда-то... Да, название ресторана выбрано не случайно.

Полковник пришел в штатском. В нем всего было много: высокий, полный, широкий, глазастый, губастый, румяный, громогласный. В свитере, куртке и полуспортивных брюках. Может, и не полковник вовсе? Документы, однако, показал. Вова взглянул мельком на корочки – ничего нового, он уже успел навести справки. Полковник – натуральный, не поддельный, из СВР.

Стол был накрыт: множество разных блюд, в которых Шельга не разбирался. Наливайко сразу перешел на ты.

– Давай, Володя, пробуй, здесь все вкусно, натуральный продукт без обмана. Вот это попробуй. Нравится? Как ты думаешь, что это? Картошка, обыкновенная картошка. Настрогана тонюсенькими иголочками. Половина сырая, половина прожарена в кипящем масле. Как думаешь, зачем полковник Наливайко тебя пригласил? Дело, конечно, дело есть у меня к тебе. Да не у меня. Не у меня. Труба зовет, Вова, настала пора Родине послужить. Всю жизнь служишь, знаю. И заслуги есть. Нельзя жить прошлым, каждый день надо доказывать. Вот сейчас поедим, выпьем, тогда и о деле поговорим. А еще нам приготовлены две комнатки. Девушки, молоденькие. Не знаю уж, китаянки или нет... одеты будут как китаянки. Не интересуешься? Странно. Сколько тебе – тридцать четыре? Мальчишка рядом со мной... Сам-то в форме, я смотрю, ладненький, складненький, подтянутый. А-а-а-а... понимаю, понимаю – моральный кодекс строителя коммунизма. Так, где уж те времена? Ну, как знаешь, мое дело предложить. Только из симпатии к тебе. А я, например, не собираюсь пропускать, в кои веки выбрался из своего кабинета.

Что ты думаешь о Ветрове? Ну, который как бы шпион. Да так, мне интересно твое мнение. Ты ведь опытный оперативник. И следователем оттрубил от и до, спецзадания – тоже школа будь здоров.

Полковник – свой в доску, открытая душа. С виду. Прием такой. Этот Наливайко ничего так просто, без расчета не скажет.

Владимир отвечал не торопясь, тщательно подбирая слова. Сказал, что Ветров, насколько он понял из газет, интересовался компанией SraX Элона Макса, встречался с ним в Лос-Анджелесе. А поскольку у SraX сейчас открыт заказ на сколько-то пусков в обеспечение МКС, то можно сказать, с налета подобрался к НАСА и очень даже близко. Не производит впечатление профессионала. Только приехал в США и сразу спалился.

Вряд ли его готовили в СВР или в ФСБ. Легенда слабая, работал без прикрытия. Серьезных людей обычно внедряют несколько лет, а то и все десять. Потом – немолод уже. Тридцать семь лет – возраст солидный, вряд ли хорошо владеет программированием – к Максусу берут только продвинутых ребят. Не, не ваша работа. Самопал какой-то. Не клиент ФБР. Но они сейчас рады любому случаю, чтобы измазать нас. Какой он шпион? Из пальца высосано. Его сейчас будут педалировать. Тюрьма – раз. Шум в СМИ – два. Потом попробуют его в Гуантанамо перекинуть, чтобы значимость придать. Если б что-то было, тогда и Макса потащили бы... Похоже, того не трогают. То есть я не знаю, может, и были беседы, но в инете не увидел, чтоб его привлекали... Так что это не ваш кадр, так думаю. Я прав?

Наливайко слушал внимательно, не прерывал, глаза его сузились, он напоминал огромного, мордатого волка, изготовившегося к прыжку. Шельга закончил, и полковник мгновенно расслабился, его румяное лицо снова стало добродушным...

– Ну, Вова, выпьем по глоточку. Слабовата китайская водочка. Но закус – хорош, лучше не бывает. Особенно утка по-пекински. А как подают... Посмотри на эти скульптуры – это морковь, это капустная кочерыжка. Русский Дед Мороз, журавль, гномики какие-то.

А про американцев... Чего на них обижаться? Свои интересы блюдут, молодцы, етитская сила. А мы о себе должны позаботиться, не ловить ворон. Вот и такой случай надо использовать. Надо бы вернуть человека. Может, он что у Элона и вынюхал. О чем они говорили? Там – не знаю, но они еще здесь встречались, в Питере. Мы послушали. Ерунда какая-то... Полет на Луну, бред, непонятки. Разговор двух сумасшедших, что этот наш – сумасшедший, что тот, американец – вообще крэйзи. Даже не знаю, как это комментировать. Мечтатели – как дети, право. Я пацаном тоже планы строил, мечтал – ракету запустить, например, даже украл как-то отцовские охотничьи патроны – хотел порох использовать. А эти – давно ведь не дети. Пока все непонятно... А те, оппоненты наши, заокеанские чекисты, пусть думают, что важную шишку поймали. Мы уже ведем переговоры с ними: Ветрова – на крупняка из их посольства, в прошлом году поймали на шпионаже. Важная персона для Америки. Так что менять будем. Невыгодно, говоришь? Невыгодно, конечно, невыгодно... Потому тебя и пригласил. Надо, чтобы выгодно было. Чтобы родная страна на этой ерунде какой-то профит словила, эти его в качель. Что думаешь об этом? Недоумеваешь? Чего недоумевать-то? Собираться надо, Вовик, вот что я скажу. Собираться. Ты же такой – ВСВС. «Вовка сказал – Вовка сделал». Оружием владеешь отменно. Язык на уровне. И опыт спецзаданий за бугром.

Я тебе сейчас в двух словах. Встретишься потом с моим человеком. На конспиративной квартире. Он тебя найдет, даст подробные инструкции.

Нет, и со мной пока не все, мил человек. Еще поговорим в общих чертах. Я скажу тебе то, чего он не скажет. Почему не скажет? Потому что не знает. Будем знать только ты и я.

С чего начать? Первое – все телефоны отключи, семье – ни слова. Скажешь, что командировка. На месяц. Типа – ерунда, в Сочи международные соревнования будут, надо бы кое-каких людей проверить. Легенду для Запада тебе объяснят. У тебя фирма, занимаешься машинным

переводом: с русского на английский, с английского на русский. Дадим тебе девайс для убедительности. Ты уж потрудись, проштудируй документацию, чтобы не проколоться в случае чего.

Документы у тебя будут. Правильные, не твои, конечно, но с твоим фэйсом. Одни – чтобы в Америку съездить, другие – из США в Мексику и домой. И для Ветрова Юрия Сергеевича тоже будут правильные документы. Будете менять страны, авиарейсы, пока до России не доберетесь. Ты же опытный оперативник, чего ты? Все удивляешься и удивляешься. Как девочка, право слово, которая еще мальчиков не знала.

Так. Симки у тебя будут американские. Звонить тебе будем. Сами будем звонить, ты – только в специально оговоренных случаях. Каждой симкой пользуешься один раз. Поговорил и в люк. Или в реку. Или в галюн. Понял? Там тебе передадут несколько мобильных телефонов и подробные инструкции, как и в каких случаях ими пользоваться, а также – в какой момент они подлежат ликвидации. Самоуничтожение телефонов производится взрывом встроенного заряда по сигналу из метрополии. Для личных целей – ну там Интернет, с девочками по вызову, пищу заказать – купи себе обычную мобилу.

Что делать, что делать? Обмен будет, Юрку повезут на обмен. То есть вначале из тюрьмы в аэропорт. Обмен планируется где-нибудь в нейтральной стране. Не знаю где. В Венесуэле, Иордании. Или в Чили. Нет, ты в операции обмена не участвуешь. Твоя задача – сорвать обмен. Пусть все считают, что обмен будет. А ты его сорвешь. Где-нибудь поближе к мексиканской границе. Как сорвать? Тебе и думать об этом, мил человек. Для того и посылаем. Сообщим – когда Юрия Сергеевича повезут, куда и каким маршрутом.

Чего о Юрке-то не спрашиваешь? Тебе чё, все равно, что с дружбаном твоим сейчас? Каким дружбаном? У тебя что, мозга совсем отсохла, что ли, Юрку Ветрова не помнишь? Да, да – тридцать семь ему. Ну, ты даешь. Да тот он, тот, друг детства. С которым в лес ходил, на рыбалку, помнишь его? Друзей детства забывать нельзя, – грозит пальцем, – нельзя быть Иваном, не помнящим родства. Дошло наконец. Ну что с того, что не виделись почти десять лет? Не слышались... Плохо, майор Шельга, плохо. Вот теперь и свидитесь. А ты как думал, чего это мы именно тебя пригласили? Что, ты самый лучший оперативник, что ли? Другого не нашли? Да не обижайся. Ты классный мужик. Лучшие рекомендации. Все без исключения дали тебе лучшие рекомендации. Но главное – надо чтобы Юра тебе поверил. А тебе он поверит. Как другу детства не поверить?

Да нет, выведывать особенно ничего не нужно будет. Приедете домой – он нам сам все и расскажет. Просто вряд ли у вас все так просто получится. Проблемы будут. С ФБР, знаешь, шутки плохи. Придется вместе выкручиваться, надо, чтобы доверие было.

Ну, в общем, выручай дружка своего. Зачем? А зачем нам его менять на важняка? Он для нас никто. Случайное лицо, пустышка. Не нужен нашим спецслужбам. Ну, конечно, соотечественник, мы, ясное дело, переживаем за него. Вот ты его и будешь вытаскивать. А забугорный крупняк у нас будет отсиживать, может, используем его как козырь когда-нибудь. Чтобы серьезно помочь родной стране.

Слышь-ка, вот еще. Надо, чтобы получилось так, что спасли его будто бы китайские спецслужбы. Он в Китае бизнес делал, там кантовался. Как вытащишь его... Там будет отдельная мобила с китайской симкой, с нее позвонишь в Китай нашему человеку. Русский, русский. Несколько звонков нужно, чтобы засекли. Ты ему... Поговоришь, о чем хочешь. Он тебе позвонит, поговорите. Потом ты ему. Тогда выбрасывай аппарат. Пусть думают: кто освобождал? Русские, китайцы... надо создать видимость, что он важное лицо, и извлечь максимум из этой ситуации. Повысим, так сказать, значимость твоему Юрику. Чтобы отвести внимание контрразведки от наших на СпраХ. Ну, как ты сам-то думаешь, есть у нас внедренные в структуры Элона Макса и в НАСА? Сам себя спроси, сам себе и ответь. Вот так, и не задавай глупых вопросов.

А дальше на мексиканскую границу. Там колючая проволока только километр от пропускного пункта. Обьедете на джипе, никто вас и не заметит. Вот так-то.

– А как насчет оружия?

– Прилетишь в Нью-Йорк, остановишься в отеле, тебя найдут. Дадут небольшой пистолетик и документы на него.

Как-то так. Заболтались мы. А меня девочки, небось, заждались. Нехорошо девушек обижать, так ведь? А ты готовься.

Да вот что. Забыл сказать. Тебе никто этого не скажет. И никто такого поручения не даст. Только я. Слушай внимательно. Твой Юрка – он, конечно, хороший малый, твой дружбан, бляха-муха, но только неизвестно, что у него на уме и что он там успел узнать у Элона Макса. Сейчас Юрку твоего не теребят особенно, чтобы он на обмен двинулся в хорошем состоянии. А если ты его начнешь вытаскивать и не вытащишь? Отношение-то к нему изменится.

Мы не хотим, чтобы с ним начали всерьез работать. Оставлять его в Америке нельзя, используют дурачка для антироссийской истерии. Наговорит со страху, бог знает что. Чего и отродясь не было. А у них козырь будет. Россия, КГБ, страна зла. Хочет напасть на Европу... Да что там на Европу. Их ракеты нацелены аж на США! В общем, нельзя допустить, чтобы они начали с ним всерьез работать. Ты меня понял? Как не понял? Это я вас не понимаю, майор Шельга! Мы что здесь с вами шуткуем, что ли? Встать, смирно. Не забывайтесь.

Вот так вот. Да ладно, я пошутил. Расслабься, Вова. Но ты тоже. Как ребенок, право. Что я должен все слова до последнего разжевывать? Мы с тобой военные. Конечно, будешь брать тюремную перевозку, может, и жертвы будут, а как иначе? И с Юрой тоже. Ты думаешь, я плохого твоему дружбану хочу? И ты тоже – хочешь ему только хорошего. Вот и вытаскивай. Из всех сил тяни. Раз влип парень... в переплет попал. А не получится – не обессудь. Надо убирать – обмен сорвется, деньги сохраним, останутся в российской экономике, и зацепок никаких. На войне, как на войне...

Один из телефонов, тебе скажут какой, самый важный. С ним не расстанешься ни под каким видом. Если побег Ветрова срывается, звони по китайскому телефону, у него симка с китайским номером. Контактное лицо – Инна Шершень. Вообще-то у нее другое теперь имя, но для тебя она по-прежнему Инна Шершень. Как и раньше.

– Да знаю я Инну – Юрка бегал к ней на свидание в пионерлагерь, у них был детский роман.

– Отставить, майор Шельга, откуда эта расхлябанность? Вас инструктирует старший по званию. Повторяю для непонятливых. Контактное лицо – Инна Шершень. Она сама может позвонить по этому телефону. Ее указания необходимо однозначно исполнять.

– Как же мне с ней говорить, если она теперь не Инна вроде? А если слушают?

– Так и говори, как раньше, – Инна. Это не простые мобилы, связь защищена. Надежно защищена.

Только не вздумай, Володя, шутить с нами. Не вздумай... за нос водить или там пропадать, к примеру. И тебя найдем. И семью, и детей. Сестру и племянку тоже найдем. Решение принято. Не на моем уровне, между прочим. Выше смотри. На государственном. Тебе за честь – исполнить поручение в лучшем виде. Проблемно? Не бери в голову. Ты ведь ловкий парень. Спасешь своего дружбана, вытащишь. И доставишь благополучненько. А мы-то вас встретим как. С распростертыми. Тебе – медали, премии. Юрке – почет на Родине. Целевой грант на бизнес. Я сам пробую... Важно, чтобы он там деньги не успел истратить, распоряжения не дал банку. Деньги, конечно, не ах... Если в государственном масштабе. Но лучше, чтобы за рубеж не утекли. Что это мы российскими деньгами будем НАСА помогать, с какой стати?

Ну, это так, не самое главное. Главное, Юрку береги. Да и свою голову под пули не подставляй. Мы кадрами не разбрасываемся. Ты нам еще пригодишься. Ну, ладно. В добрый путь. Можешь мне позвонить. Один раз. Перед отъездом. Остальное – с моим человеком. Он даст

номера и пароли для связи. В добрый путь. Давай, Вовочка, трижды поцелуемся по русскому обычаю. До встречи в Москве.

Не знал полковник Наливайко, что нескоро будет эта встреча, ой как нескоро. Может, никогда больше и не будет никакой встречи.

Он постарается

О чем думал майор Шельга, возвращаясь из китайского ресторана? Да уж... Чистая подлянка. Вот так сюрприз подготовило тебе любимое ведомство. Ну, не совсем твое ведомство... Один черт, хрен редьки не слаще. В благодарность за двенадцать лет безупречной службы. Как в Библии сказано? «По плодам их узнаете». Мама, мама, «ах, как же мама ты была права!». Что наши органы. Что американские. Ни к тем, ни к другим лучше в лапы не попадаться.

А вот Юрка влип. И я вслед за ним. Юрка, Юрка. Ты всегда был такой продвинутый. Бабушка и мама ставили тебя в пример. Сколько мы с тобой прошли, пробежали с лукошками по грибы-ягоды. На полигоне – народу никого, а грибов... Каждый раз по целой корзине приносили белых, красных, черноголовиков. Однажды под обстрел попали... Напугались страшно. Бежали, что было мочи. Слава богу, обошлось – снаряды легли далеко. На следующий день опять туда. Нашли березки сбритые и посеченные осколками – страх... Ни маме, ни бабушке – иначе вообще никогда бы по грибы. На всех озерах Румболовских высот побывали. Рыбу ловили на червячка. Я потом постарше один ходил. Со спиннингом, на блесну. Детские шуточки: «Мы пук, мы пук, мы пук цветов сорвали. Мы пер, мы пер, мы перли их домой. Петр Иванович, как вы спали, как вас мухи не обо... небо сразу потемнело...»

Потом, когда уже взрослыми были, встречались иногда. На днях рождений. Однажды, во время такой встречи, Юрка сказал:

– Послушай, Вовик, ты теперь в органах. И фамилия у тебя подходящая – Шельга. Как у толстовского сотрудника УГРО, следователя Шельги в «Гиперboloиде...». Так что жизнь сулит тебе необыкновенные приключения и дальние путешествия.

– Какие еще такие приключения, Юрик? Работа у меня занудная, канцелярская.

– Погоди, погоди, все еще будет, – говорил тогда Юрка. Как в воду глядел. Так вроде и получилось. Юра – инженер классный, что-то там изобрел, аж до США добежал, чтобы какие-то свои идеи пробить. А полиция тут как тут, попался, голубчик.

Теперь мой черед настал. Пора тебе, рашин-колобашин сыщик Шельга, потряхнуть стариной и двигать в дальние края, судьбы двух великих стран решать... Да уж – и смех и грех. Две державы чего-то там выясняют, а простого опера Вовку Шельгу – никак без него не обойтись, ну просто никак! – посылают разбираться с их космическими программами и кто кого «сделает».

Не с этим надо разбираться. В космосе надо разбираться – кто лучше, кто дальше, кто дешевле. Правду говорят – паны дерутся, у холопов чубы трещат. Так же и Юрка влип. Похоже – ни за что ни про что. Чего он там, в Америке искал, чего поперся? Какого лешего ему не сиделось в нашей Рашке? «Луна-а-а, твой бледный вид меня манит и греет, меня вчера укусил гиппопотама-тама-тама, когда я в джунгли вечером залез...» Такая судьба твоя, Вовик – ВСВС – надо вытаскивать друга детства. «Я здесь сижу-у-у, а нога моя там, гиппопотам-м-м... ушел обратно в лес». А если не получится? Ишь нашли судью: «Пусть пуля рассудит». Чего она там рассудит? Пуля дурра. Как это так, чтобы я сам, своей рукой... Юрика Ветрова... на встречу с Господом?

Конечно, не сват он мне, не брат. По грибы-ягоды, когда это было? Эх, Юрка, помнишь, как ты был влюблен в Инну? Тебе – двенадцать или, может, тринадцать, ей – одиннадцать. Ты меня уговаривал несколько раз сходить вместе в Бернгардовку. Там, у гнилого озера с топкими берегами, где когда-то пацанята пиявок ловили... Пионерлагерь прямо к воде выходил. Мы стояли у забора, и ты просил ребят Инночку позвать. Она прибежала – веселая, озорная, через майку уже маленькие грудки торчали. «Ну, как дела, Юрик?» На меня – ноль внимания, я для нее – килька. Тараторит, тараторит, руками размахивает. А ты, Юрик, робел. Робел, краснел, не знал, что сказать. Детские воспоминания. Нет, полковник... вы даже не думайте, не надейтесь... чтобы Вовка Шельга отправил друга детства к праотцам. И что меня ждет после этого?

Кому нужен исполнитель и свидетель? Никому. Сам себе и приговор подпишу – и Юрке, и себе. Так что, полковник Наливайко, вы наливайте, наливайте, а Юрку я вам не сдам, все сделаю, костями лягу, чтобы спасти его.

Вот, бабуля, твой совет и пригодился: «Друзей в беде не бросать». Буду тащить Юрку Ветрова, что у меня сил осталось. Не удалось тебе, Вовик, совершить в жизни хоть что-то, о чем можно было бы с гордостью вспоминать... Вот и случай представился. Может, для того и родила тебя сыра земля. Может, на этот случай ты и копил силы всю жизнь. Мама, хоть и приемная, а все равно – мама... Смотрит с того света на тебя, Вовка Шельга, и думает: «Нет, хорошего мальчика все-таки мы с бабушкой вырастили. Сделай, Вовочка, что надо сделать. Чтобы я могла любить тебя так же, как любила, когда ты был еще совсем маленьким».

Что там, на том свете? Кто знает, нет никакого «того» света. Просто холодная могила, да косточки человеческие. Майор Шельга выполнит свой долг, вот и все. Ни перед органами, ни перед правительством. Просто в память о маме и бабуле. Да и об отце тоже – отец хорошим был человеком. Выполнит свой долг перед другом детства. Перед своей совестью.

Выполни, Шельга. Искупи вину перед мамой. Которую обидел. Не поступком своим. А тем, что не понял ее, не достучался до ее сердца. Выполни. Чтобы сказать потом: если бы мама узнала, простила бы за все. Она и так простила. Галенька, сестричка, сказала... Мама, умирая, шепнула ей: «Вову прощаю за все». Вот так вот. Только надо еще это все сделать, майор Шельга. Сделай надо. Собери волю в кулак. И в путь. А жена... Нет у Шельги жены. Бог с ней. Пусть остается с миром, не держу я зла на нее. Да и добрых чувств тоже нет, пожалуй. Оба мы неправы были друг перед другом. Сошлись, думали, как лучше. А вот как получилось. Хорошо, что детей вырастили. Так что не напрасно.

В общем, мама, если ты слышишь меня. Вовик постарается. Вовик сделает все, что можно. Ты за меня, мама, не будешь больше краснеть.

Так не договаривались

С тяжелым сердцем отправлялся Шельга в США для исполнения задания.

Ему сообщили, что Ветрова повезут в международный аэропорт Сан-Бернардино. Это примерно в восьмидесяти милях от тюрьмы (полтора часа на машине).

Шельга нанял мексиканцев, купил сменные американские номера для их автомобилей. Всего четыре машины. После операции перейдут мексиканскую границу, поставят родные мексиканские номера – и поминай как звали.

Группа Шельги ожидала тюремного перевозчика в горах Сан-Габриель, недалеко от Сан-Бернардино. Горы невысокие, дорога в этом месте поднимается на тысячу четыреста метров над уровнем моря. Здесь должно произойти похищение. До мексиканской границы отсюда миль сто двадцать – два с небольшим, два с половиной часа езды.

На дальнем горном повороте появился армейский вездеход «Хамви» с белыми надписями POLICE на бортах. Он будет здесь минут через десять.

– Ну, ребяташки, давайте, – произнес Шельга. – Теперь ваш «олений танец», вынимайте гитаррон⁹, вспомните, как вас эти проклятые пиндосы называют – чиканос, wetbacks?

Кто-то из мексиканцев запел:

*С тех пор, как моя мама
Надела на меня сомбреро...*

Остальные подхватили:

*...никто не посмеет называть
Меня фасолеедом-фрихолеро.*

Охранники вездехода, в котором везли Ветрова, открыли окна, приветствовали веселых мексиканских парней: «Здорово, чиканос! Как дела, чаки?»

Безобидные с виду «чиканос» неожиданно взяли в коробочку джип, приставили автоматы к головам водителя и бойцов сопровождения: «Не двигаться, жми газ, водила, не снижать скорость!» Задний автомобиль вплотную состыковался с огромным тюремным вездеходом. Мексиканцы перебрались на его крышу, занесли туда тяжелый аппарат и лазером прорезали дыру прямо над Ветровым, вытащили его наверх – «осторожней, осторожней, раша, здесь острые края!» – помогли перебраться в свою машину через люк на крыше, а тюремную машину подрезали и заставили съехать на обочину. Все было рассчитано идеально, это произошло на крутом повороте горного шоссе, обочина размыта дождями, металлические отбойники сняты в связи с ремонтными работами – перевозка зэков на огромной скорости вылетела на вираж, не вписалась в поворот и соскользнула в пропасть. Й-й-ееес! Операция проведена мгновенно и без единого выстрела.

Встрепанный и обалдевший, удивленный и взволнованный, Ветров оказался лицом к лицу с Шельгой. «Юрка, ты меня не узнаешь?» – «Вова, ты, что ли? Сколько лет... Ну, ты даешь!»

Группа машин мчалась к мексиканской границе. «Гоните, чаки, что есть мочи, жмите на газ, некогда теперь размазывать сопли по стеклу, гоните, если жить хотите». «Как ты сюда попал, Вовка?» – «А ты-то как в Америке оказался? Чего ты здесь ищешь?» Друзья детства

⁹ Мексиканская пятиструнная гитара.

сидят в одной из машин, возбужденно кричат, перебивают, не слушают друг друга, размахивают руками, обнимаются, ерошат друг другу волосы.

«Все, Юрка, едем в Мексику, оттуда домой...» – «Но у меня же полет». – «Ты что, вообще сбрендил? Не понимаю, о чем ты, какой полет, за нами фэбээришки гонятся, хочешь получить лет сто пятьдесят тюрьмы? Могут и грохнуть под горячую руку, обо мне и говорить нечего. Я своих наблюдателей поставил на важных перекрестках. Уже доложили – путь к Сан-Диего нам перекрыли. И еще одно: мы с тобой болтаем, а надо было сразу доложиться».

Звонит «китайский» телефон. «Вот, не дождался меня, сами звонят, нехорошо это, плохой признак». На проводе Инна, говорит сухо, держится официально.

– Знаю, Володя, это ты. Слушай внимательно. Юра рядом? Останавливаешь автомобиль. Выходите вдвоем из машины. Телефон передашь Ветрову. Скажешь так: «Юра, поговори с Инной, да, с той самой». Сам садишься в другой автомобиль, дальше едете в разных машинах. Сразу уходишь, ничего не ждешь.

– Ты что, Инна, с ума сошла? Ты чего, совсем обалдела? Это же Юрка, Юрка Ветров. У нас все в порядке, все ведь получилось. А до Мексики мы доберемся, я все проселки и объездные пути изучил. Наливайко сказал, что этот вариант... – Шельга замаялся, не скажешь же «ликвидация» при Юре, – только в случае неудачного побега.

– Отставить разговоры. Майор Шельга, выполняйте команду! Через три минуты – ликвидация.

«А вот она сказала! – не постеснялась. Надеюсь, Юра не слышит».

– Но мы ведь так не договаривались!

«Жалкие слова. Как был ты щенком, опер Шельга, так и остался!»

– Я вижу вас через объектив телефона. Если отказываетесь, сигнал ликвидации поступит немедленно.

Машины тормозят и останавливаются у горного обрыва. Ветров с Шельгой выходят на шоссе. Шельге не по себе, за двенадцать лет службы он привык беспрекословно исполнять все команды, это вьелось в его плоть и кровь, он понимает, что проявляет малодушие, однако передает Юре телефон:

– Поговори с Инной. Да-да, с той самой, Инной Шершень.

«Ну что за день сегодня, вначале везут в аэропорт, потом выкрадывают, и кто, кто? – Вовка Шельга, которого не видел семь или восемь лет, потом эта сумасшедшая гонка в сторону Мексики, теперь Инна, с какой стати, почему она? Она что, тоже в органах?» Растерявшийся Ветров неловко берет трубку, роняет ее на асфальт, пластиковый корпус раскалывается. Оба видят обнажившуюся начинку, в которой отчетливо выделяется вкладыш из пластита. Шельга первым приходит в себя. Хватает остатки телефона, бросает их в пропасть – «Юрка, ложись!» – оба падают лицом и животом в огромную лужу, раздается взрыв.

– Что это было, Вовка?

– Потом, потом, не до разговоров теперь, живо в машину. Гони, парень.

– А при чем здесь Инна? Кто она такая, что она тебе сказала, почему взорвался телефон?

– Лучше бы тебе этого всего не знать, Юрик, чистая душа. Беда, беда, теперь нас будут ловить и те, и другие. И зачем только ты полез в это пекло? Что это за секретный такой объект «Луна»?

– «Луна, луна, цветы, цветы, как часто в жизни не хватает нам друзей и доброты». Луна – она и есть Луна.

– Ты всегда был малахольным. Разберемся потом с твоей «Луной». Подожди, свяжусь с наблюдателями.

Космонавты воленс-ноленс

Операция освобождения Ветрова прошла не столь успешно, как это казалось вначале. Да и не прошла еще, не закончилась, не так-то это все просто. Забыли о телевизионных камерах в отсеке заключенного. Так что полиция вместе с ФБР с самого начала во всех подробностях видела, как разыгрывался этот доморощенный вестерн в русско-мексиканском исполнении. Сразу в дело были брошены крупные полицейские подразделения. За беглецами организовали погоню, перекрыли дороги к Мексике. Наблюдатели Шельги постоянно сообщали ему об изменении обстановки. Все, надо поворачивать назад.

– Значится, так. Уходим в глубь континента, Америка большая, самое главное, что они не знают наших машин. А если все-таки знают? Ничего уже не изменишь. Контроль везде поставят. Заметаем следы, а потом проселками пробираемся в Мексику. Только тебе, Юрик, никак нельзя светиться – фотопортреты, наверное, уже по всем постам разосланы, ты у нас теперь медиазвезда. Скоро будут фильмы «Бондиана Юрия Ветрова», «Неуловимый русский», «Обаятельная улыбка на электрическом стуле». Как тебе это нравится?

У Ветрова внезапно возникает идея.

– Вовка, есть у тебя проверенный телефон?

– Конечно, есть, купил себе обычный, чтобы не быть постоянно под колпаком.

Ветров звонит Макс. Тот не отвечает. Набирает Кирстин Грантхэм.

– Слушаю вас, мистер Ветров. В настоящее время я не могу соединить вас с мистером Максом. Давайте, я попробую вам помочь. Что с вами случилось, где вы сейчас, сообщите точно, где вы находитесь?

«Как бы не так. Что со мной случилось, где я нахожусь, она рада мне помочь... Не то я делаю, не туда звоню. Не туда и не той. Скажи да Расскажи ей все, пресс-секретарине, – сразу нас и схпают. Будет она из-за русского бизнесменишки портить себе чистое досье. Попробую Юле, она, мне кажется, не подведет».

– Юля, простите, но у меня проблемы, да-да, вы знаете, но они уже не совсем такие... Что я говорю – совсем не такие, хуже, во сто крат хуже, и уже нет ни минуты времени. Мне нужно незамедлительно связаться с мистером Максом, пожалуйста, Юля, только он может мне помочь...

– Да не волнуйтесь вы так, мистер Ветров. Все будет хорошо. – Юля кажется совершенно спокойной, такое впечатление, что она знает все, что было, есть и даже, что будет. – Элон решит ваши проблемы. Вот он, мистер Макс, передаю трубку.

Ветров рассказывает Макс, что случилось.

Все время, пока Ветров был за решеткой, Элон не находил себе места, очень волновался – это же по его вине русский ученый оказался в тюрьме. А теперь положение стало еще хуже. Надо уметь неприятности оборачивать себе на пользу. Умный, дерзкий, вспыльчивый, горячий, Макс умеет находить неожиданные решения.

Теперь Джюрию можно помочь. Как ни странно, именно теперь. Он, Макс, все сделает, чтобы спасти Ветрова. «Отправить космический корабль на Луну... Все подготовлено, остались мелочи... И проверить в комплексе. Время для запуска неплохое. Надо еще посчитать и откорректировать траекторию. Это сделают мои программисты. И посадка... Надо бы поближе к шлюзам колонии землян. Удастся ли с ними связаться, это вопрос. Регулярной связи нет, запрещено каким-то закрытым протоколом. Но можно попробовать. Все должно получиться. Возможно, это выход. Иначе... Триста лет тюрьмы, а то и электрический стул. Гордиев узел. Его надо решительно разрубить. Если что, ко мне какие претензии? Ветрова не видел. А «Фалькон» запускал, конечно, разве это можно скрыть? Испытания ракеты, имею право – и должен, и даже обязан...»

– Джюурий, ты готов лететь? Джюурий, все может получиться. Я знал, что ты согласишься. Любишь Киплинга? Я знал, я знал... «Мы с тобой одной крови, ты и я». Можно было бы все сделать на полигоне в Макгрегоре, штат Техас, это на восток, там вас никто не будет разыскивать. Но там нет подготовленной ракеты. А здесь есть. Жмите сюда. Они не догадываются, что вы поедете именно сюда, назад, в их логово, прямо в пасть к дьяволу. Давай, жми на акселератор, резко ко мне, жду в SpaX. Дальше поедешь со мной.

Беглецам удалось ненадолго оторваться от погони. Их ищут, конечно, досматривают машины на дорогах, но пока немного не там. Если бы точно знали их автомобили и где они сейчас, давно подняли бы вертолеты.

Шельга и Ветров выезжают на Rocket Way – знакомое Ветрову прямоугольное здание, знакомая надпись SPAX на фронтоне, наклонная палочка в букве «А» отсутствует, – подхватывают по пути Макса и буквально влетают на частный космодром Макса недалеко от международного аэропорта Лос-Анджелеса.

Ракета для старта уже готова. «Вот это слаженность! Четкая работа всей команды, где каждый знает свой маневр», – думает Юрий.

– Что мне с этими делать? – спрашивает Макс, глядя на незнакомых спутников, прибывших вместе с Ветровым.

– О мексиканцах не беспокойся, они сейчас уедут и растворятся в городе. В конце концов, им заплачено за риск, да они почти ничего и не знают. А это – Шельга, мой друг из Петербурга, он спас меня. Его грохнут и ваши, и наши. Если поймают. Особенно, если он будет без меня. Можешь отправить нас обоих? Ты как, Вова, готов?

Вова – конечно, опер, и неплохой опер. Опер всегда готов к неожиданным поворотам сценария. Но на такой спектакль он явно не подписывался.

Вечер, еще светло. Но Луна уже выглядывает, просвечивает сквозь голубой флер неба. Она хочет посмотреть на закат дневного светила или, может быть, ей интересно взглянуть на старт ракеты? Она ведь ждет гостей. Луна улыбается космонавтам поневоле – не робейте, ребята, добро пожаловать в гости к тетушке Луне.

Обалдевший Шельга с ужасом смотрит на сорокаметровую ракету – выходит, Ветров правду говорил насчет Луны, – это была не шутка. Но он-то, Шельга, – сыщик, а не космонавт. Не-е-ет, этого нам не надо. Пойду сдаваться родным органам. Я свою работу выполнил – чего мне бояться? А Юрка пусть летит. Он великий, он, наверное, чувствует свою историческую миссию. А меня вполне устраивает работа в Совете ветеранов правоохранительных органов. Один-то я всяко выпутаюсь, маленький, незаметный, шустрый – юркну в толпу, и нет меня. Вынырну уже в Питере. Не приезжал Вовка Шельга в Америку, не было его там, в Сочи он был, участвовал в подготовке к международным соревнованиям. И свидетели найдутся, жена тоже подтвердит – я ей регулярно звонил, как бы из Сочи, алиби обеспечивал.

Детский лепет. Макс даже не слушает его.

Кто он такой, этот Шельга, чтобы Максу считаться с его мнением? «Ну, помог моему Джюурию, вот и хорошо. Поймают этого Шельгу здесь – у всех будут проблемы. А так улети – and no problems, «шито-крыто», как говорят в России. Записи телекамер сотрем или заменим. Не въезжали сюда чужие машины и не выезжали. Все, хватит рассуждать, время не ждет. Вот-вот, через несколько часов сюда прибудет полиция. Мои программисты подключились к спутниковому наблюдению. Заметили группу полицейских машин, которая направляется к Лос-Анджелесу, – видимо, им удалось все-таки засечь автомобили Джюурия. Могут и вертолеты поднять. Но пока они еще довольно далеко. Думаю, у нас есть пара часов. А сейчас мы уже практически готовы. Риск, конечно, риск. В который раз ставлю все на карту. Жизнь – либо дерзкое приключение, либо ничто! Кто это сказал? Какой-то индус, мне кажется. Джюурий научил меня русской пословице «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». Луна – это,

конечно, неслабо. Придет время, и мы с моим русским другом выпьем шампанского на Луне. Что тут невозможного? У нас все получится. Не хочу даже думать о неудаче».

– Они уже приближаются к Лос-Анджелесу. Давайте, ребята, в «Дрэгоне» два места, два скафандра, поторапливайтесь. И этого тоже в ракету, да не церемоньтесь вы с этой limp wrist¹⁰.

Обалдевшего Шельгу запикивают в специальный костюм и буквально вталкивают в лифт. Единственное, что он успел потребовать, – взять с собой пистолет и мобильник. Пистолет, мобильник – с ума сошел! Мобильник-то тебе зачем?

Теперь очередь Юрия, все готово – скафандр, лифт; неожиданно он возражает:

– Нет, Элон, нет, подожди – ровно пять минут. У тебя старт рассчитан на сколько? Вот видишь, время есть. Я должен перевести деньги. Я обещал. Вовсе не ерунда, и уж точно не «чушь собачья», как ты сказал. Двадцать миллионов. Ничего себе ерунда... Мы ведь партнеры, партнерские обязательства необходимо выполнять. Как у тебя выйти на Wi-Fi? Так-так... Открываю свой «банк-клиент»... ОК – теперь мы в расчете.

– Удачи, Юрий! Я тебе даже завидую.

Элон с Юрием обнимаются.

Ветрова облачают в костюм и провожают в ракету.

– Скафандры найдете в кабине, счастливого полета, – на прощание говорит Макс.

Он спускается на лифте и в автомобиле возвращается к Центру управления полетом (ЦУП). Все готово... В отдельном помещении рядом с ЦУПом, в зоне безопасности, много незнакомых людей, представители власти, пресса. «Я смотрю, неплохо отработали мои пиарщики». Макс взволнован. Неужели это возможно? Первый межпланетный полет. Его, Макса, первый полет на Луну.

Ветров и Шельга занимают в космическом корабле горизонтальное положение, пристегиваются. Шельга сконфуженно молчит, не в силах поверить, что все это наяву, что это происходит именно с ним.

– Ветров, Шельга, вы готовы к полету?

– Давайте, ребята, мы готовы. Была не была!

ЦУП. Слышится вой сирен приближающихся полицейских машин, заглушенный многометровым слоем земли и железобетона. Поздно, полицейские тракеры вот-вот придут, но здесь уже нет русских шпионов, они испарились, улетучились, остался один мираж, да их здесь и не было, парусник «Шпион Салема»¹¹ остался в XIX веке. Эти тупые ищейки не догадаются опрашивать персонал ЦУПа, да я и не пушу их сюда. Гражданскому персоналу доступ запрещен. А в зоне безопасности, где журналисты, ничего о космонавтах не знают. И не будут знать.

– Мы все сделали правильно, мы успели, – говорит Макс. Железный человек, он совершенно спокоен, он верит в свою миссию и в миссию своего русского друга. – С богом, друзья. Пуск!

Впечатляющее зрелище: огненные снопы раскаленных газов, вылетающие из дюз «Фалькона», рассеивают сгущавшиеся вокруг стартового комплекса вечерние сумерки. Грохот стоит такой, что его слышно даже на расстоянии нескольких километров, в ЦУПе мелко дрожат пульт и стены.

Окутанная клубами дыма, ревушая, сверкающая неукротимым, бешеным пламенем ракета медленно отрывается от земли и, постепенно набирая ход, ползет в глубины темнеющего неба.

– Эх, где наша не пропадала, – ПОЕХАЛИ! – кричит Ветров. Его голос слышен по громкой связи в ЦУПе, кричит по-русски, но все понимают известное гагаринское «Поехали!».

¹⁰ Баба, тряпка, кисейная барышня (англ.).

¹¹ Название парусника, описанного в книге «Записки татуированного человека», XIX век.

Весь персонал поднимается в едином порыве. Крики «Ура!», аплодисменты, все обнимаются.

Присутствовавшая там Джулия подходит к Максусу с бокалом шампанского.

– Поздравляю, Элон! Думаю, ты сделал правильный выбор. Ты не ошибся в Юрии. Придет время, и мы еще узнаем, каков на самом деле масштаб личности этого человека.

Элон задумчиво посмотрел на заманчивую впадину напоказ в вырезе блузки Юлии. «Пожалуйста, это все в вашем распоряжении, мистер Макс», – как бы говорит этот вырез. «В моем, да, видать, не совсем в моем. Откуда эти заявления о масштабе личности? Странно. Так ли уж это все в моем распоряжении?»

Журналисты в зоне безопасности ничего этого, конечно, не слышат. Они просто наблюдают и снимают пуск.

– Неплохие кадры вечернего неба с взлетающей ракетой. Для утреннего выпуска новостей сойдет, – устало говорит миловидная брюнетка с короткой стрижкой и опускает микрофон. – Кажется, получилось неплохо. Правда, такая новость, как удачный запуск очередной ракеты «железного человека», живет только один выпуск. У него все запуски проходят удачно. Вот если бы ракета взорвалась, если бы упала на жилой дом, да еще погибли бы люди, особенно, если афроамериканцы, тогда был бы резонанс...

Девушка достает тонкую сигарету и закуривает.

– Хватит расслабляться. Идем в автобус. Пора ехать. Нам еще этот сюжет надо успеть смонтировать к вечернему эфиру, – торопит ее оператор.

Утром следующего дня местные и общенациональные газеты, ведущие телекомпании и интернет-издания сообщили...

«На частном космодроме небезызвестного Элона Макса в окрестностях Лос-Анджелеса состоялся успешный запуск ракеты «Фалькон-9» с космическим аппаратом «Дрэгон» в направлении Луны. Системы ракеты и аппарата «Дрэгон» работают нормально. В течение трех суток ракета должна достигнуть зоны притяжения нашего спутника и произвести мягкую посадку на поверхность Луны. Запуск был запланирован в рамках большой программы подготовки и отработки систем ракетносителя «Фалькон», предназначенного в дальнейшем для транспортировки людей и грузов в целях колонизации планеты Марс. Пожелаем успеха в этой миссии дерзкому исследователю космоса, уважаемому гражданину Лос-Анджелеса, мистеру Элону Максусу».

Часть 2

Колония землян

Из Коряжмы на Луну

Эти органы, они где? Они везде, блин, так-то.

Вот и на Луне у них свои люди имеются.

Григорий Монастырский

Ты ко мне? И чё те надо?

Да, я сторож. Ну, они эта... не знают, в общем, что делать с бараками. Сожгли бы давно. Колония переехала, двенадцать километров от Коряжмы. УИ... Управление справительно-трудовыми лагерями и колониями, ИТеЛКа, язык сломаешь. Давно, давно. Может, и двадцать лет, как переехала. Коряжма наша вже городом стала, какие лагерь в центре города? А там, куда они переехали, все по-другому, теперь там номера, баня, клуб, библиотека, медпункт. Сенатория, одним словом.

Григорий я. Монастырский. Потому что раньше в монастыре жил. В церкви Лонгина Коряжемского. Там склад был. А монахов не было. Их всех постреляли. А рядом кедровая роща монастырская – красота, и орехи на всю зиму. Там и жил, начальство бумагу дало, вот я и жил. Потому и прозвали – Монастырский. А в конце восьмидесятых все церкви возвели. Пришлось искать угол в другом месте. Теперь здесь я, сам себе хозяин – я доволен, а чё?

Из каких краев приехал? Ты-та, ты-та. Да что тебе надобно-то? Чего приехал? Не комсомолец уж, да и построено тут все. Кто ты такой? Догадайся, догадайся...

Сними вязанку-то с головы, я позырю на тя. Чёй-то знакомое. Ты меня знаешь, что ль? Не знаешь. Так. Ну-ка, ну-ка. А я тя знаю вроде. Сергуня, ты, что ли? Сергей Альбертыч... откуда взялся? Сколько лет прошло – тридцать, сорок? А ты жив. И не изменился совсем. Сергунька, ты, что ль? Ну, хватит шутить над стариком. Я еще в своем пока уме. Все, больше ничё тебе не скажу. Все.

Хочешь узнать о Сергуньке – принеси мне деревяху. Какую, какую... Вот вишь, я с корней ложки делаю. Извилистые чтобы были. С ладонью, с кулаком, с фигой. Вот ложка со старухой. А это домовый с дрыном, молодуха рачком, белки трахаются. А вот эти мне нравятся – журавлик, лукошко с грибами. Принеси хороший корень старику в подарок.

Чё это тебя тот Сергунька интересует? Ну, твое дело. Не люблю, бляха-муха, в чужие дела лезть. А-а-а, знаю. Похож ты на него. Вот в чем дело. Похож, точно похож. Он тогда такой же был, как ты сейчас. Когда, когда... Да как сказать? Только еще лагерь построили. А душегуба уже не стало. Какого душегуба? Великого, самого великого. После Адольфа. Кто из них душегубистей? Тогда, правда, и других душегубов хватало. Может, и правильно. Народ у нас дрянной, порядка не знает. Так и надо – по острогам да по тюрьмам держать. Тех, кто не может рот на замке.

А Сергунька тот хорошим был человеком. Они с женой здесь вольняшками. Сергунька – мастером на стройке, жена – училкой в школе, с младшенькими. И дитятя при них. Хорошим, хорошим он был. Не в пример многим – и вольняшкам, и вертухаям. Подход к людям имел. К каждому подойдет, расспросит. Ну, точно как ты. Покурит, поразмышляет, а потом каждому свое слово найдет. Здесь его «немцем» звали. Не подумай чего – уважительно звали. То ли потому что Альбертыч. То ли... Ну, какой-то нерусский он был. Во всем разберется. Все по полочкам разложит. И все-то у него в порядке. И одежда – немтая, всегда застегнутая. И

прическа. На тебя похоже. И струмент сложен. И бумаги в порядке. И дела все – вроде без спешки, – а быстрее всех делал. Не пил, почти не пил. Слова бранного никогда не скажет. Ни тебе «посрать», ни «поссать» – «облегчиться», «апаражниться», чудно, да и только. Сколько лет прошло – до сих пор помню. «Немец», одно слово.

Приходили из органов, глаз на него положили. Сергунька особенный был: собратый такой, ладный, аккуратный, никогда не болел, невысокий и комплекция у него обыкновенная, но очень сильный – бывало, возьмет комель дерева, все вдвоем берут, с трудом тянут, а он один – раз и понес. Говорили, два сердца у него. Почему так говорили? Болтали, думаю, вот и все дела. Где бы в нем два сердца могли бы уместиться? Да вот еще – человек был хороший, всегда улыбался, я уже говорил тебе. Но это вряд ли их, этих полковников, интересовало. Так говорю, чтобы ты знал. Только плохо для него это все кончилось.

Ну, в общем, прибрали его вертухаи, не так, как это делают с зэками или арестованными, не забрали, вернее – пригласили, полковники подкатили, попросили пройти с ними, чтобы поговорить, повели куда-то, разговаривали вежливо, уважительно даже.

А незадолго до того были какие-то странные дела: небо светилось, электрика вся поатключалась – свет, аппаратура всякая, автомобили заглохли и трактора стали. Через несколько дней пошел – погляжу, думаю, что да как. В двух километрах отседа на лесной поляне круг нашел, а там-то... средь зимы снег растаял и трава зеленая. А к кругу следы ведут, нормальные человеческие и другие – тоже как бы человеческие, но очень уж маленькие, вроде бы детские, и рисунок от подошв необычный, кружки с диагональкой – типа дорожного знака «Стоянка запрещена».

Больше мы его не видели. Жена с малышом уехала. Гэбисты отдали его лунянам, вот что я тебе скажу. Чего тут непонятного? На Луне он. На-Лу-Не! Не знаю, как теперича, а тогда... Я видел этих с Луны. Они как мы, токо малюпенькие и с бородами. Они детей наших уж больно любят, прилетают поздравлять с Новым годом. Откуда знаю – слушай, мил друг, я много чё знаю. А всего тебе все одно не скажу.

На Луну наших забирают. После того случая еще было сколько-то раз. Совсем недавно, месяца два назад, что ли... Кого забирали – самолично знаю. Не могу говорить, я тебе и так много чего лишнего наболтал. Они, луняне эти, с органами работают – вместе, может, с правительством, договор, верно, есть, кто же знает это...

Вот и тогда, с полковниками... Когда Сергуньку забирали. Один такой был. Крошечный, а поперек себя шире, два таких, как ты. Правда, без бороды, бритоголовый и с косичкой. Может, и наш, землянин. Только бледный очень, и костюм на нем не нашенский, вроде лыжный, зима ведь была, а нет, не нашенский.

Эти органы, они где? Они везде, блин, так-то. Вот и на Луне у них свои люди имеются. Они и сейчас нас с тобой слушают, а ты как думал? А мне болтать с первым встречным-поперечным ни к чему, зачем мне неприятности? Уберут, и не будет деда Гриши. Не услышишь пулю, которая найдет тебя. «А остальные-ы-ы-е мимо пролетят». Жизнь человека – она как деревяшки, из которых ложки режут: може так и остаться глупой, ненужной деревяхой, можно бабу голую, а то и жар-птицу из нее повырезывать, или по неумению, да по лени размыслить, что к чему, али от глупости – просто на щепки извести. Вот так-то. Пожалуй, я и так сказал те лишка. Может, ты сам от них, от энтих, а я, старый дурак, болтаю и болтаю. Ладно, хватит. Заговорился я с тобой, дела у меня. А что корешок интересный принес деду, за это спасибо. Ты никому про Сергуньку-то. Это я так. Понравился ты мне, вот и рассказал. Покедова. Отдохнуть приезжай. Если летом, к примеру, здесь красиво, на рыбалку сходить можем.

Скорей всего – немного нам осталось

Летим, летим. Крутиться на центрифугах – это очень непросто. Но настоящий полет оказался много сложнее. Ффф-у-у-у, какая все-таки тяжесть. Кажется, вот-вот сосуды полопаются. Как там Вовик? Вовик, ты жив? Молчит... Кряхтит только, отдувается, похоже, жив еще. Держись, Володя, ты же крутой опер, в разных переделках побывал... Это ненадолго, мой дорогой, всего несколько минут... Ффф-у, отпустило вроде, тишина, отключили двигатели. Сколько продолжались перегрузки? Почти четыре минуты, значит шестикратное земное ускорение, как-то так...

Элон, это ты? Все нормально, Элон. Да оба мы в порядке, Вовик вполне орлом смотрится. Немного потрепанным орлом... Вы нас сопровождаете? Ну да, орбиту ведь надо корректировать. На Луне связь будет? Будет? Это хорошо. А в скафандрах уже нет? Значит, дружим до прилунения. А дальше сами.

Вовик, ты как, не очень? Я, честно говоря, тоже. Давай полежим, день выдался не из легких, да и ракета – не центрифуга какая-нибудь, разгон до второй космической – это не для слабаков. Спишь, что ли? Похоже, я тоже выключаюсь. То ли сплю, то ли вспоминаю.

С детских лет преследует это видение. Будто мне два года. Лежу, закутавшись с головой в одеяло, – сплю или не сплю? Сверху наброшен овчинный тулуп, не высох он, что ли? Остался кислый запах мокрой овчины. Деревянная изба. Входит отец. Снимает край одеяла с моей головы, тихо шепчет: «Спи, сынок, мы, наверное, не увидимся больше. А если увидимся, то нескоро. Расти большой и умный. Постарайся не забывать о своем отце. Забирают меня. Кто сейчас может забирать? Органы, конечно. Лунянам меня отдают. Ты ведь не знаешь, кто такие луняне? Те, кто на Луне живет. Возьмут с собой, вот я и не смогу вернуться. Спи, малыш. Вырастешь – постарайся до Луны добраться. Не знаю как – знаю, что сможешь, сердце говорит – сможешь. Жду тебя. Запомни: только там ты найдешь свое счастье». «Не понимаю тебя, папа, не понимаю». Был этот разговор или не был?

С семи лет маленького Юрика воспитывала бабушка. Отец пропал, когда сыну два года было, два с половиной. Он тогда с родителями, вольнонаемными в колонии-поселении заключенных, жил на Севере – отец с матерью уехали туда на заработки. Почему пропал отец, что с ним случилось, мать не рассказывала. Отвечала коротко: «Забрали». Вроде говорила так... лаконично, что ли, и сразу замыкалась. А получалось как-то таинственно. Кто забрал, почему забрал? Жив ли он сейчас... Мать с малышом вернулась в Ленинград, к своей маме, Юриной бабушке. Вышла замуж. Отчим – приличный человек, с положением. Маму любил, к Юре относился как к собственному сыну. Счастливые годы, но в 68-м Господь почему-то прибрал и мать, и отчима, почти одновременно. Так что бабушка растила Юру. Бабуля на вопросы о Юрином отце отмалчивалась, только глаза опускала, крестилась: «Господи, помилуй ны, Господи, помилуй», да на Луну почему-то глядела.

Может, это только сон, просто детский сон? Но сон повторялся и повторялся – вот он уже юноша-школьник, студент, а вот взрослый зрелый мужчина, уже и седина на висках. Одно и то же снится, знакомое видение...

Еще одно воспоминание, словно мираж, словно вещий сон... Вдвоем они, он и Инночка. Петергоф. Цыганка. Сама подходит к ним. Позолоти ручку, красавец, все тебе расскажу. Бери, чавела, влюбленные денег не жалеют. Эх, хороша девка с тобой, да не твоя. Другая у тебя дорожка. Длинная дорожка, очень длинная... Лунная дорожка, иди в полнолуние по ней, иди, пока до самого конца не дойдешь. Как узнать, куда идти? А как дойдешь до конца, так и узнаешь. Запомни – ромалы не обманывают хороших людей – только там найдешь ты свое счастье. Да не медли, а то поздно будет. Увижу ли я отца своего, красotka? Молодая цыганка с сомнением смотрит на него. Может, и увидишь, мой золотой. Да поговорить вряд ли удастся.

А вот послание от него получишь. Как получу, от кого, какое послание? Послание, которое я получу на Луне... бред какой-то. И любовь встретишь. А предашь любовь свою, изгнан будешь, «магардо»¹² станешь. Какую любовь я предам? Вот она рядом со мной, моя любовь, почему я вдруг предам ее?

Опять Луна. Как удивительно. Откуда цыганка могла знать о его детском сне? Непонятно. А Инна... Хоть бы что. Будто она об этом тоже что-то знает. А он ведь ничего Инне об этих своих лунных видениях не рассказывал. И что лунными загадками с детства интересовался. И все о Луне изучал досконально.

Надолго запали в душу те слова молодой цыганки. И детское видение – то ли сон, то ли наяву это было. Всю жизнь преследовала Юрия странная мысль о том, что его судьба – до Луны добраться. В семидесятые годы – «Аполлоны» американские, они уже там, а он все еще здесь. И все равно... Снилось и снилась Луна, и к себе манила, ох как манила. Все это было. Гнал навязчивую мысль подальше. Окунался с головой в работу, в работу, в проекты, в романы, в новые любви. А остановится на время... Сядет покурить. Поднимет голову... Вот она, Луна. Улыбается, зовет. Иди ко мне, родной, не медли, Юрочка, жду тебя. Я – твоя новая родина, разве ты не знаешь об этом? Может, следует прислушаться к словам цыганки, может, еще не поздно? – думал он тогда.

¹² Изгой, предатель (цыг.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.